

Джим Батчер Воин

Аннотация

Написано Джимом Батчером как часть Файлов Дрездена.

Действие происходит после событий описанных в произведение «Маленькое одолжение»

Аннотация: Майкл Карпендер, после полученных ранений больше не может сражаться, как Рыцарь Меча. Он полностью отдается заботам о своей семье. «Амораккиусу» нужен новый хозяин, а пока он хранятся у Гарри Дрездена друга Майкла, вместе с другим Мечом — катаной «Фиделакиус». Однако появляется таинственный снайпер, у которого свои планы на священное оружие. В противостоянии Гарри открывается истинный смысл борьбы Воина Света.

Джим Батчер ВОИН

Я присел возле Майкла и сказал:

— Я думаю, Вы в опасности.

Майкл Карпендер был большим, мускулистым мужчиной, хотя сейчас он выглядел наиболее худым за весь тот период, что мы были знакомы. Месяц в кровати и еще больше месяцев в палате интенсивной терапии превратили его только в тень прежнего, и он никогда не сможет вернуть себе всей мускулатуры. Но даже так, он выглядел крупнее и мускулистее, чем большинство мужчин вокруг. Его волосы и короткая борода цвета соли-с-перцем за эти дни стали больше похожи на соль.

Он улыбнулся мне. Это не изменилось. Может быть, только улыбка стала глубже и более непоколебимой.

— Опасности? — сказал он. — Небеса!

Я откинулся назад на старой деревянной открытой трибуне в парке, и хмуро посмотрел на него.

— Я серьезно.

Майкл прервался, чтобы выкрикнуть короткие слова поддержки второму бейсмену (или это была бейсперсона?) команды по софтболу в которой играла его дочь, Алисия. После чего он уселся обратно на скамью, сиденья которой были покрыты старой, растрескивавшейся чешуйками зеленой краской, что дисгармонировало с его бело-бледно-голубой футболкой, которая соответствовала цвету формы девушек на поле. На ней была написано «ТРЕНЕР» большими синими буквами.

— Я принес Меч. Он в заглохшей машине.

— Гарри, — сказал он невозмутимо, — Я в отставке. Вы знаете это.

— Конечно, — сказал я, потянувшись в карман плаща. — Я знаю это. Но плохие парни очевидно нет. — Я вытянул наружу концерт и вручил ему.

Майкл открыл его и изучил содержимое. Потом он вложил все обратно, положил конверт на скамью возле меня и поднялся. Он направился вниз к полю, тяжело опираясь на деревянную трость, которая теперь везде сопровождала его. Поврежденные нервы и тяжелая травма бедра, практически лишили подвижности одну ногу. Из-за этого его походка стала раскачивающейся, как у моряка. Еще я знал, что один из его честных, ясных глаз видел теперь намного хуже.

На поле объявили перерыв, и Майкл давал указания спокойным уверенным голосом, вызывая улыбки у его дочери и её команды. Они явно искренне веселились.

Ему это нравилось.

Я глянул вниз на конверт и отчетливо представил себе фотографии лежащие в нем. Было ясно, что все они сделаны профессионалом — Майкл, поднимающийся вдоль перил в церковь; Майкл, придерживающий дверь для своей жены, Черити; Майкл, ставящий большое ведро с софтболами в багажник семейного микроавтобуса Карпентеров; Майкл во время работы, одетый в желтую каску, показывающий вверх на незаконченное здание и беседующий с мужчиной рядом с ним.

Фотографии пришли в мой офис по почте. Без записки, без объяснений. Но их значение были безобразными и предельно четкими.

Мой друг, бывший Рыцарь Креста, был в опасности.

Примерно через пол часа, когда матч подошел к концу, Майкл поднялся назад ко мне на трибуну. Он постоял мгновение, глядя на меня, прежде чем сказал:

— Меч ушел из моих рук. Я не могу поднять его снова — особенно для несправедных намерений. Я не хочу жить в страхе, Гарри.

— Может вы, хотя бы немного, поживете во внимании? — спросил я. — Хотя бы до тех пор, пока я не узнаю больше о том, что происходит?

— Я не думаю, что Он запланировал для меня смерть сейчас, — ответил он невозмутимо.

Это сложно описать, но когда Майкл начинает говорить о Всемогушем, он умудряется вставлять заглавные буквы в устную речь. И не спрашивайте меня, как именно.

— А что случилось с «Никто не знает свой день и час»? — спросил я.

Он криво мне улыбнулся.

— Вы выдергиваете цитату из контекста.

Я пожал плечами.

— Майкл. Я бы хотел поверить в любовь, которую Бог распространяет на каждого. Но я видел множество людей, которые пострадали, и ничем не заслужили этого. Я не хочу, чтобы вы стали одним из них.

— Я не боюсь, Гарри.

У меня на лице мелькнула недовольная гримаса. Я догадывался, что он может отреагировать, таким образом, и я намеревался играть грязно.

— А как насчет ваших детей, парень? Как насчет Черити? Если кто-то придет за вами, они не будут беспокоиться о том, что случится с людьми, которые рядом.

Выражение лица Майкла, было практически, невозмутимо до этого выстрела. Его лицо побледнело, и он посмотрел вдаль, отведя от меня взгляд.

— Что у Вас на уме? — спросил он через секунду.

— Я собираюсь спрятаться в засаде и притаиться, — ответил я. — Может быть, схватить нашего фотографа, прежде чем все станет хуже.

— Хочу ли я, чтобы вы сделали это? — спросил он.

— Итак. Да?

Он покачал головой и широко улыбнулся.

— Спасибо, Гарри. Тем не менее, нет. Спасибо. Я справлюсь.

* * *

Дом Майкла был аномально не похож на городскую постройку — милый большой старый дом, в колониальном стиле. Образ дополнялся изгородью из белого штaketника и заросшим деревьями двором. Он был красив своим тихим, непоколебимым притяжением, окруженный множеством других домов, но не один из них не выглядел так мило, уютно и чисто, как дом Майкла. Я знал, что он много трудился, чтобы придать дому такой вид. Может быть, это получилось просто так. Может быть, это было побочным эффектом визита архангела или кого-то похожего.

Или же все дело было в глазах того, кто смотрел.

Я, к сожалению, был абсолютно уверен, что у меня никогда не будет места, похожего на это.

Майкл посадил в свой белый пикап несколько девушек, чтобы подвезти их, так что поездка до его дома заняла немного больше времени, чем обычно. Когда мы подъезжали к его дому сумерки тяжело опустились на город. Я не делал никакого секрета из того, что следую за ним, но в любом случае, я не ехал впрыток к его заднему бамперу, поэтому не думаю, что кто-то из них заметил мой потрепанный Фольксваген.

Майкл и Алисия вылезли из машины, и зашли в дом, пока я делал медленный круг вокруг их квартала, держа глаза широко открытыми. Когда я не заметил никаких невменяемых маньяков или стоящих наизготовку демонов с выпущенными когтями, я припарковался чуть ниже по улице и направился пешком к дому Майкла.

Это случилось молниеносно. Футбольный мяч подпрыгнул возле меня, маленькая особа бросилась за ним, и как только это случилось, я услышал очень близко хруст шин по асфальту позади меня. У меня длинные руки и это пригодилось. Я схватил ребенка, которому на вид было семь или восемь лет, буквально за пол секунды, прежде чем приближающаяся машина ударила мяч и отправила его в полет. Ноги девочки подлетели вверх над головой, когда я оторвал её от земли, и её туфли разминулась с решеткой радиатора буквально на шесть дюймов.

Машина (одна из этих новых экологических гибридов, часть времени использующих вместо бензина батарею), с бесшумным мотором ехала в полнейшей тишине с выключенными фарами. Водитель, молодой парень в костюме, болтал по мобильному телефону, держа его возле уха одной рукой. Он ничего не заметил. Когда машина достигла конца квартала, он включил фары.

Я повернулся, чтобы глянуть на ребенка, девочку с чернильно-черными волосами и розовой кожей, глядевшую на меня широко раскрытыми темными глазами. Её рот был испуганно приоткрыт. На щеке у неё зеленел синяк, которому была пара дней.

— Привет, — сказал я, стараясь быть таким дружелюбным, как только мог. У меня очень ограниченный лимит доверия. Высокий, сурово выглядевший мужчина в длинном черном плаще, которому нужно как минимум побриться, чтобы изменить это. — С тобой все в порядке?

Она медленно кивнула головой.

— У меня проблемы?

Я поставил её на землю.

— Не из-за меня. Но я слышал, что мамы могут начать волноваться о...

— Кортни! — раздался задыхающийся, испуганный голос, и женщина, которая, как я предположил, была мамой девочки, в спешке выскочила из ближайшего дома. Так же, как и у ребенка, у неё были темные волосы и очень красивая кожа. И у неё были точно такие же настороженные глаза. Она протянула руки к маленькой девочке и рывком, отодвинув ее к себе за спину, быстро окинула взглядом округу.

— Как вы думаете, что вы делаете? — Требовательно спросила она — или попыталась, но вышло это как возбужденное восклицание — Кто вы такой?

— Только пытаюсь препятствовать вашей дочери, становиться жертвою «движения зеленых», — ответил я.

Она не поняла. Выражение её лица изменилось — она, явно, подумала что-то типа: «Этот человек- псих?» Я встречал такое множество раз.

— Это была машина, мэм, — пояснил я. — Девочка не увидела, как она приближается.

— О, — вздохнула женщина. — О! Сп-спасибо вам.

— Пожалуйста, — я хмуро глянул на девочку, — Ты в порядке, милая? Этот синяк ведь не из-за меня?

— Нет, — ответила она. — Я упала с велосипеда.

— Даже не поцарапав руки, — заметил я.

Она настороженно смотрела на меня около секунды, прежде чем её взгляд расширился, и она еще немного спряталась за матерью.

Женщина глянула на меня, потом на ребенка. Затем она кивнула мне, взяла дочь за плечо и потащила её к дому, не говоря ни слова. Я задумчиво понаблюдал, как они идут, и продолжил путь к жилищу Майка. По дороге я закинул футбольный мяч Кортни назад к ним во двор.

Когда я постучал, дверь мне открыла Черити. Хотя она и была примерно такого же возраста, как и Майкл, её золотистые волосы скрывали любые пряди серебра, которые могли появиться. Для женщины она была высокой и широкоплечей, и я видел, как она сокрушила не один нечеловеческий череп, защищая одного из своих детей, когда тот был в опасности. Она выглядела усталой. Я догадывался, что год наблюдений за тем, как ее муж переносит интенсивную терапию, дался ей нелегко. Но она выглядела счастливой. Наша личная холодная война закончилась за давностью лет, и она улыбнулась, увидев меня.

— Привет, Гарри. Внеплановый урок? Думаю, Молли отправилась спать пораньше.

— Не совсем, — сказал я, улыбаясь. — Только что мелькнула мысль, нанести вам визит.

Улыбка у Черити не исчезла, но стала настороженной.

— Неужели?

— Гарри! — закричал детский голос, и младший сын Майкла — мой тезка, подпрыгнул в воздух, доверяя мне поймать его. Маленький Гарри был возрастом примерно как Кортни, и обычно расценивал меня, как что-то привлекательное для лазанья. Я поймал его и шумно поцеловал в макушку, что вызвало хихиканье и протестующий возглас:

— Ну, хватит!

Черити хмуро покачала головой.

— Ладно, заходите. Позвольте мне предложить вам что-нибудь попить. Гарри, он не шведская стенка. Слезай.

У маленького Гарри внезапно развилась самопроизвольная глухота, и он вскарабкался мне на плечи, пока мы заходили в гостиную. Майкл и его темноволосая, спокойная и серьезная дочь Алисия только что вошли, после того как убрали софтбольное снаряжение в гараж.

— Папа, — прокричал маленький Гарри, протягивая руки Майклу и молнией прыгая с моих плеч вперед.

Майкл наклонился вперед и поймал его. Мой желудок болезненно сжался в сострадании, когда я заметил, как он вздрогнул и тяжело вздохнул в момент, когда делал это.

— Алисия, — подала голос Черити.

Её дочь кивнула, повесила бейсболку на деревянную вешалку возле двери и забрала у Майкла маленького Гарри. Она подбрасывала его в воздух, вызывая этим веселый детский протестующий смех.

— Идем, постреленок. Время купаться.

— Пиявка! — воскликнул Гарри и немедленно начал карабкаться на плечи сестры, бормоча что-то про роботов.

Майкл с улыбкой наблюдал за тем, как они уходят.

— Я пригласил Гарри на ужин этим вечером, — сказал он Черити, целуя её в щеку.

— Неужели? — спросила она, точно таким же тоном, которым встретила меня у двери.

Майкл глянул на неё и вздохнул. Затем он обреченно произнес:

— В моем офисе.

Мы прошли в кабинет, который использовался как офис Майкла — более захламленный, чем обычно, в основном из-за того, что теперь из-за заморозков, он не пользовался пристройкой. Я достал фотографии и, не говоря ни слова, показал их Черити.

Супруга Майкла не была глупой блондинкой. Она быстро одну за другой просмотрела их, с каждым новым изображением ее глаза сверкали все ярче. Когда она заговорила, в её голосе буквально ощущались кусочки льда.

— Кто их сделал?

— Я пока не знаю этого, — ответил я ей. — Хотя имя Никодимиуса на первом месте хит-парада.

— Нет, — сказал Майкл спокойно. — Он не сможет больше навредить мне или моей семье. Мы защищены.

— Чем? — спросил я.

— Верой, — ответил он просто.

Это был бы сводящий с ума ответ при других обстоятельствах — но я видел, на что способна сила веры, действующая вокруг моих друзей, и это была одна из самых реальных сил, которые я мог представить. Чтобы защитить бывших президентов существует Секретная служба. Может быть, бывшие Рыцари Креста имеют похожий пенсионный пакет, только с большим количеством ангелов?

— Вы собираетесь разобраться во всем этом? — спросила Черити.

— Такова идея, — ответил я. — Но это означает, что я немного бесцеремонно вмешиваюсь в вашу жизнь.

— Гарри, — сказал Майкл, — в этом нет нужды.

— Не будь смешным, — откликнулась Черити, поворачиваясь к Майклу. Она очень нежно взяла его руку, но её голос оставался твердым. — И не будь гордым.

Он улыбнулся ей.

— Это не вопрос гордости.

— Я не уверена, — сказала она тихо. — Отец Фортхилл сказал, что мы защищены только от сверхъестественных хищников. Если же это будет кто-то из простых смертных... Мы должны знать, что происходит.

— Я часто не знаю, что происходит, — ответил Майкл. — Если бы я проводил все время, пытаюсь узнать, в чем дело, то не осталось бы достаточно времени чтобы жить. Это больше похоже на то, чтобы заставить нас нервничать и волноваться.

— Майкл, — сказал я спокойно. — Один из лучших путей борьбы со страхом, который я знаю, это знание.

Он повернул голову, хмуро глянув на меня.

— Вы сказали, что не будите жить в страхе. Отлично. Дайте мне возможность несколько дней покрутиться вокруг и пролить свет на вещи, чтобы выяснить, что происходит. Если все окажется пустяком, то никакого вреда от этого не будет.

— А если не окажется? — требовательно спросила Черити.

Я сдержал волну гнева, которая могла проявиться в моём голосе и выражении лица, и посмотрел на неё спокойно.

— Не пострадаете ни вы, ни ваши близкие.

Её глаза вспыхнули, и она кивнула в знак согласия.

— Дорогая, — вздохнул Майкл.

Черити посмотрела на него.

У Майкла, конечно, был на счету убитый дракон, но даже у него есть свой предел. Он поднял руки в знак капитуляции и произнес обращаясь ко мне:

— Почему бы вам ни подняться в гостевую спальню?

После девяти тишина практически полностью окутала дом семейства Карпенстер. Меня провели в маленькую гостевую комнату, в конце коридора. Это была швейная мастерская Черити, и она была вся заставлена яркими штабелями сложенной ткани. Некоторые рулоны были еще упакованы в целлофан, некоторые уже начаты. В центре комнаты стоял маленький столик со швейной машинкой на нем, оставшегося вокруг места хватало только на то, чтобы поставить кровать. Я знал эту комнату. Мне уже приходилось зализывать здесь раны после моих приключений.

Одна вещь в ней была для меня новой — толстый слой пыли на швейной машине.

Ха!

Я сел на кровать и огляделся. Это была тихая, теплая, живая маленькая комната — практически маниакально такой. Буквально все было милым, приятным и лежащим на своих местах. Мне потребовалось целых шесть или семь секунд, чтобы понять, что эта комната была убежищем для Черити. Как много дней и ночей она волновалась за Майкла, делающего буквально говоря, Господь знает что, против врагов, настолько ужасных, что никто кроме него не смог бы справиться с ними? Как много раз её терзали мысли о том, что следующим, кто переступит порог, будет мрачный отец Фортхилл, вместо мужчины, которого она любит? Как много часов она провела в этой хорошо освещенной комнате, делая теплые, мягкие вещи для своей семьи, пока её муж направлял холодную, сияющую сталь «Амораккиуса» во тьму?

И теперь на швейной машине лежала пыль.

Майкла почти убили, там, на острове. Ему нанесли вред, из-за травм он был вынужден отложить в сторону святой Меч, наряду с практически невидимой, смертельной войной. И он был более счастлив, чем я когда-либо видел. Должно быть все же — пути Господни неисповедимы.

Другая мысль пришла мне в голову, пока я обдумывал это: Кто бы ни послал это фото, он не послал их Майклу — он послал их мне. Что если я подверг Майкла и его семью настоящей опасности, показав им снимки?

Я нахмурился, глядя на эту неунывающую комнату. Слишком много всего навалилось для бессонного сна.

Я поднялся и прокрался вниз по лестнице для набега на холодильник, обутый только в носки, и пока я был на кухне, чавкая импровизированным сэндвичем с ветчиной, я заметил тень, которая мелькнула за темным окном.

У меня было несколько вариантов, но не один не был действительно вкусным. Я остановился на самом привлекательном. Я повернулся и, прокравшись так быстро и тихо, как только смог к входной двери, выскользнул наружу, тайком направляясь вдоль дома в сторону, которая, как я полагал, выведет меня прямо позади незваного гостя. Короткий морозящий дождь намочил газон, а ночь была достаточно прохладной, чтобы я чувствовал себя неуютно в быстро промокших носках. Я старательно игнорировал это и крался по газону, держась поближе к дому и внимательно осматривая округу.

Задний двор был пуст.

У меня появилось зудящее чувство чуть ниже шеи, и я продолжил нарезать круги. Я как-то себя выдал? Неужели незваный гость тоже сейчас кружит, так же, как и я, надеясь подкрасться ко мне? Я ускорил шаги, пытаюсь оставаться тихим, насколько это было возможным, что означало, что я был чертовски тихим. Ведь я развивал свои профессиональные навыки годами.

И, наконец, когда я повернул за угол, я заметил незваного гостя- темную фигуру,

спешащую вниз по тротуару мимо дома Кортни. Я не мог быстро следовать за ним, не будучи замеченным, тогда я решил схитрить, что сразу и сделал. Мои способности по набрасыванию завесы не так хороши, чтобы спрятать меня посреди белой комнаты, но достаточно хороши, чтобы скрыть меня от чужого взгляда темной ночью или на хорошо затемненной улице. Я сконцентрировался на окружающей обстановке, собирая узор света и тени в плащ вокруг меня. Мое собственное зрение потускнело и как-то померкло, когда я сделал это.

Я почти пожалел о том, что не разбудил Молли. У ребенка природный талант по работе с таким тонким колдовством, как завесы. Она может сделать вас таким же невидимым, как Перес Хилтон делает невидимыми этические нормы, и вы сможете смотреть с небольшим затруднением, как если бы надели пару едва затемненных солнечных очков. А когда я проделывал то же самое, для меня это все выглядело расплывчато и смутно, словно я смотрю через темную, тонкую ткань. Придерживаясь светлого бетонного тротуара, на фоне которого движения незваного гостя выглядели игрой пятен тени и света, я медленно пошел следом.

Злоумышленник прокрался вниз по улице, и торопливо припал к земле, возле моего старого Голубого Жучка. У него заняло около пяти секунд, чтобы открыть замок, залезть в машину, и достать оттуда длинный, тонкий сверток с вложенным в ножны мечом.

Должно быть, в начале он приблизился к дому, и кружил в округе, чтобы определить, мое местонахождение. Он мог заметить мой посох, оставленный прислоненным к стене возле входной двери, когда он заглядывал в кухонное окно. И я был чертовски уверен, что это именно Он. Движения его рук и ног были резкие, порывистые, мужские.

Я сделал несколько шагов в сторону и поднял футбольный мяч Кортни. Затем приблизился на несколько ярдов и швырнул его вверх по высокой дуге. Мяч с громящим ударом упал на капот Голубого Жучка.

Засадный мальчик дернулся, поворачивая верхнюю часть тела на звук, и так застыл, а я в это время ударил его на манер полузащитника, направляя вес моего тела, как копье, на одно плечо, чтобы удар пришелся на его спину и вышел из груди. Он был совершенно не подготовлен к этому и мешком повалился на землю, проехавшись по тротуару со звучным «ууфффф» выбитого воздуха.

Я попытался схватить его за волосы, так чтобы прижать лбом к тротуару, но у него была короткая почти военная стрижка, и мне не удалось хорошо ухватиться. Он дернулся и ударил меня локтем под ребро, а я не был в достаточно хорошей позиции, чтобы удержать его прижатым к земле. Он вывернулся, вскочил на ноги и понесся прочь, по-прежнему сжимая в руке меч.

Я собрал свою волю, вытянул руку в его сторону и выпалил: «*Forzare!*» Невидимая сила хлестнула его сзади по коленям... и ударила магическим эквивалентом кирпичной стены. Вспышки света, искры,... а он, издав каркающий звук, продолжил бежать. Каким-то образом этот свет, как догорающая шкура, лег на тротуар.

Я подскочил на ноги, чтобы преследовать его, скользнул по влажному газону к тротуару и кубарем покатился от пронзившей мою лодыжку боли. К тому времени, когда я снова поднялся на ноги, он был слишком далеко от меня для того, чтобы преследовать его, даже если бы моя лодыжка была в порядке. Спустя секунду, он перепрыгнул через забор и исчез из виду.

Я остался там, стоя возле машины на одной ноге, пока соседские псы захлебывались в лае. Отдышавшись, я, прихрамывая, двинулся вперед, ища глазами, затухающее свечение предмета, который он обронил. Это был амулет, висевший на кожаном шнурке, пропущенном через его середину. Он выглядел так, как будто был вырезан из дерева или кости, но так как он был обожжен практически дочерна, я не смог этого точно определить. Я поднял его, морща нос от вони. Затем вернулся к машине и закрыл открытую дверь. После этого я размотал кусок проволоки, которым закрывалась крышка моего багажника, достал завернутый в шерстяное одеяло сверток, и вернулся обратно в дом Майкла.

Утро будничного школьного дня в семействе Карпентер напоминало Саутгемптон,

прямо перед шестым июня, 1944. Толпа кричащих, бегающих повсюду людей, никто из которых не выглядел знающим, что происходит. Или возможно, так казалось только мне, потому что около восьми дети, возглавляемые Алисией — старшим ребенком, учившимся в школе, были отправлены к школьному автобусу.

— Так он схватил меч и убежал? — спросила Молли, прихлебывая кофе маленькими глотками. Ее, несомненно, знобило, ярко-розовый нос был заложен. Моя ученица была настоящей дочерью своей матери — высокая, белокурая и слишком привлекательная для меня, чтобы я чувствовал себя комфортно — даже одетая в пушистую розовую пижаму и фланелевый халат, с пребывающими в беспорядке волосами.

— Доверяйте мне хоть немного, — ухмыльнулся я, разворачивая сверток из шерстяного одеяла и вытаскивая для обозрения «Амораккиус».

— Он *думал*, что берет меч.

Майкл хмуро глянул на меня, намазывая маргарин на тост.

— Я помню, вы сказали мне, что меч лучше всего спрятан, когда он на самом видном месте.

— В моём возрасте я становлюсь параноиком, — ответил я, чавкая куском колбасы, затем удивленно замер от странного вкуса и глянул на него.

— Индейка, — сказал Майк мягко. — Так лучше для меня.

— Так лучше для всех, — отрезала Черити тоном, не терпящим возражения. — Включая вас, Гарри.

— Вот те на, — протянул я. — Спасибо.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Вы можете использовать амулет, чтобы найти его хозяина?

— Неа, — сказал я, немного посыпая солью эту диетическую, индюшачью «колбасу». — Скажи им, почему не получится, кузнецик.

Молли заговорила зевая.

— Все дело в огне. Огонь, это очистительная сила. Она стирает любую энергию, которая была на амулете и могла привести к владельцу. — Она моргнула слезящимися глазами. — К тому же, нам это не нужно.

Майк хмуро и недоумевающее посмотрел на неё.

— Он проглотил приманку, — пояснил я, улыбаясь. — И я знаю, как отыскать её.

— До тех пор, пока он не избавится от неё, или не предпримет что-то, чтобы её не отследили, — сказал Майкл терпеливым, здравым тоном. — Прежде всего, он, несомненно, что-то приготовил из защитных приспособлений против твоих возможностей.

— Это совсем другой случай, — хмыкнул я. — Отслеживать кого-то с помощью их личной вещи можно только недолгое время и то с погрешностью. У меня же, на самом деле, есть кусочек меча-приманки, а связь между этими двумя объектами гораздо более стабильна. Это потребует эээ... чертовски серьезных контрмер, чтобы я не смог найти его.

— Но почему вы не отследили его этой ночью? — спросила Черити.

Я покачал головой.

— Я не знал, где я буду, я не подготовился, и с тех пор, как кто-то, несомненно, заинтересовался мечами, я не хочу уезжать и оставлять...

Вас.

— ... меч...

Беззащитными.

— ... здесь, — закончил я.

— А как насчет второго? — спросил Майкл спокойно.

«Фиделакиус», меч-брат бывшего меча Майкла, в данный момент отдыхал в загроможденной вещами корзине в моем подвале, под защитой тяжелой артиллерии, которой являлась дюжина опаснейших заклинаний. Будем надеяться, любой, кто полезет за ним не позаботившись о безопасности, получит большущий бум прямо в лицо. Моя лаборатория была скрыта за щитами силовой магии, которые в свою очередь скрывались под другими

защитными заклинаниями-оберегами, охранявшими мою квартиру. Плюс, там был мой пес Мыш — две сотни фунтов меха и мускул, который не очень благосклонно относился к незапланированным визитерам.

— В безопасности, — заявил я ему. — После завтрака я отслежу лысоголового парня, немного с ним побеседую, и мы спрячем весь этот день под кровать.

— Звучит просто, — произнес Майкл.

— Так может случиться.

Майкл улыбнулся, сверкнув глазами.

* * *

Этот жук, к сожалению, не купился на подставу. Он выбросил меч-обманку в Дампстере позади фастфуда, примерно, на расстоянии четырех кварталов от дома Майкла. Майкл, прислонившись к колесу своего пикапа, наблюдал, как я стоя по колено в отбросах роюсь в поисках меча.

— Вы уверены, что не хотите принять в этом участия? — спросил я его унылым голосом.

— Я бы с удовольствием, Гарри, — ответил он, улыбаясь. — Но моя нога. Вы же знаете.

Как бы то ни было, он был искренним. Майкл никогда не боялся грязной работы.

— Зачем бросать его здесь, как вы думаете?

Я показал на ближайший уличный фонарь.

— Эта ночь была темной, безлунной. Это, наверное, было первое место, где он смог его осмотреть. Или возможно припарковал здесь свою машину. — Я нащупал рукоять дешевой копии палаша, похожего по размерам на «Амораккиус», который я подцепил в магазине торгующим военными безделушками. — Ага, — сказал я, и вытянул его наружу.

Я увидел светло-желтый конверт, веревочкой привязанный к лезвию. Я отнес меч и конверт к пикапу. Майкл сморщил нос, когда почуял запах гниющих кухонных отходов, который исходил от моих джинсов, но это выражение мгновенно исчезло, когда он увидел конверт, привязанный к мечу. Он медленно вздохнул.

— Нуу, — сказал он. — Это навряд ли здесь для того, чтобы мы просто на него посмотрели.

Я кивнул и, стянув конверт с лезвия, открыл его и заглянул внутрь.

Там было две новых фотографии.

На первой был Майкл, одетый в спортивную форму, которую он надевал на тренировки команды дочери по софтболу. Он сидел, откинувшись назад на трибуне, где я нашел его, когда поднялся к нему, чтобы поговорить.

На второй фотографии было оружие — длинноствольная винтовка с массивным стальным раструбом на конце, который выглядел как подзорная труба. Она лежала вроде бы на кровати, застеленной дешевой мотельной простыней.

— Адская преисподняя, — пробормотал я хмуро и задумчиво. — Это еще что такое?

Майкл глянул на фото.

— Это «Барретт», — сказал он спокойно. — Полуавтоматическая винтовка пятидесятого калибра. Снайперы на Ближнем Востоке используют её для убийств на расстоянии около двух километров, иногда больше. Это одно из наиболее смертоносного дальнобойного стрелкового оружия в мире.

Он глянул вверх и внимательно окинул взглядом все близлежащие здания.

— Перебор для Чикаго, откровенно говоря, — сказал он с мягким осуждением.

— Вы знаете, о чем я подумал? — спросил я. — Я думаю, что мы не должны сидеть здесь в пикапе, и дожидаться пока Жук заметит нас, в то время, как и он и его винтовка могут быть где-то рядом.

Майкл выглядел спокойным и невозмутимым.

— Если бы он просто хотел убить меня здесь, у него было в избытке времени, чтобы сделать выстрел.

— Насмешили меня, — ответил я.

Он улыбнулся и затем кивнул.

— Я могу отвезти вас в вашу квартиру. Вы, возможно, хотите поменять кое-какую одежду.

— Это удар ниже пояса, парень, — сказал я, бесполезно попытавшись отряхнуть джинсы, после чего мы поехали. — Вы знаете, что меня тревожит в этой ситуации?

Майкл покосился на меня.

— Я думаю, знаю. Но это может отличаться от того, что вы думаете, Гарри.

Я проигнорировал его.

— Зачем? Я подразумеваю, нам надо узнать, кто этот парень, но *зачем* он делает это?

— Это хороший вопрос.

— Он прислал эти фото мне, не вам, — сказал я, поднимая новое фото со снайперской винтовкой. — Я имею в виду, это явно повышение ставок. Но если то, что он хотел, было убить вас, почему...? Зачем присылать это мне?

— Для меня это выглядит, — сказал Майкл, — словно он хочет, чтобы кто-то боялся.

— Поэтому он угрожает *Вам* ? — с удивлением спросил я. — Это тупо.

Он улыбнулся.

— Люди ведь очень часто угрожали вам?

— Конечно. Постоянно.

— Что случалось, когда они так делали? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Я говорил что-нибудь напыщенное. Потом я их расстраивал при первой же возможности, как правило, смертельно.

— Вот, наверное, почему наш фотограф здесь...

— Назовем его Жук, — сказал я. — Это сделает вещи проще.

— Вот почему Жук не донимает угрозами вас, Гарри.

Я нахмурился.

— Так вы говорите, что Жук знает меня?

— На это есть причины. Это выглядит так, что он пытается подтолкнуть вас на какие-то действия. На что-то, как он думает, что вы сделаете, когда будете напуганы.

— Например? — спросил я.

— А вы как считаете? — ответил он.

Я похлопал ладонью по рукояти «Амораккиуса». Кончик меча упирался в днище пикапа, между моими ногами.

— Это тоже было моей догадкой.

Я глянул вниз на лезвие и кивнул.

— Возможно, Жук предположил, что я принесу вам меч, если вы будете в опасности... — я не закончил.

— Для того, чтобы у меня был какой-нибудь способ защитить себя, — сказал Майкл мягко. — Вы можете это сказать, Гарри. Это не заденет моих чувств.

Я кивнул на настоящий меч.

— Уверены, что вам он не потребуется?

Майкл покачал головой.

— Я ведь говорил вам, Гарри. Эта часть моей жизни в прошлом.

— А что если Жук сделает это? — спросил я тихо. — Что если он убьет вас?

Майкл внезапно, рассмеялся.

— Я не думаю, что это произойдет, — сказал он. — Но если случится... — Он пожал плечами. — Смерть, это не самое худшее предложение для меня, Гарри. Если бы так было, то я, навряд ли смог бы нести меч так долго. Я знаю, что ждет меня, и я знаю, что о моей семье позаботятся.

Я закатил глаза.

— Угу, я уверен, все будет отлично, если ваши маленькие дети вырастут без отца.

Он вздрогнул и прежде чем ответить на несколько секунд задумчиво поджал губы.

— Другие же дети растут, — ответил он, наконец.

— И что из этого, — спросил я недоверчиво. — Вы просто сдадитесь, чтобы не случилось?

— Это не то, что я хочу. Но в мире случается множество вещей, которых я не желаю. Я всего лишь человек.

— Самое последнее, что я ожидал от вас, — сказал я, — это фатализма.

— Не фатализм, — ставшим внезапно твердым голосом сказал он. — Вера, Гарри. Вера. На то, что происходит, есть своя причина.

Я не ответил ему. С моей точки зрения, это происходило из-за того, что кто-то безжалостный и достаточно сообразительный решил наложить свои ручки на один из Мечей. И еще хуже, судя по всему, он был смертный. Если то, что сказала Черити, было верным, то у Майкла не было небесного страхового полиса на этот случай.

Так же это означало, что если я прокомпостирую Жуку билет при помощи своих способностей, я нарушу первый Закон Магии, который запрещает использование их для убийства людей. Там была, конечно, серая зона, в пределах которой можно было действовать, но без перебора, и все же это была та вещь, с которой лучше не шутить. Белый Совет принуждал соблюдать законы, и любой, кто их нарушит, рискует столкнуться с очень большой вероятностью смертельного приговора.

— Как раз то, что мне было нужно, — пробормотал я.

— Что?

— Ничего.

Майкл поставил пикап на гравийной парковке возле моей квартиры, которая находилась в полуподвале большого, старого деревянного дома.

— Мне нужно заскочить на стройку, прежде чем мы вернемся к вашей машине. Это ничего?

Я взял меч с собой, когда вылез из пикапа.

— Ну, — сказал я, — всё всегда происходит по каким-то причинам.

* * *

Маленькая компания Майкла строила дома. Годы, исчезнувшие в постоянных битвах с силами зла, должно быть отвратили его от строительства действительно дорогих, очень выгодных домов. Так что вместо этого он строил дома для верхнего слоя среднего класса. Он, наверное, мог бы зарабатывать больше денег, если бы экономил на материалах в ущерб качеству, но это был Майкл. Я был уверен, что этого никогда не случится.

Этот дом был новым объектом, расположенным вниз к Вулф Лейк, и все место строительства выглядело очень уныло. Голая земля, спиленные и сваленные в одну кучу деревья, и стандартный набор, сопровождающий любое место подобной деятельности: грязь, опилки, остатки стройматериалов забракованных рабочими, и большое количество засохших следов от обуви на всем участке. Здесь работало полдюжины мужчин, собирая каркас дома.

— Я тут ненадолго, — сказал Майкл.

— Без проблем, — ответил я. — Идите.

Майкл прыгнул вниз из пикапа и, прихрамывая, прошел к дому, двигаясь с такой энергией и целеустремленностью, какие я редко видел у него последнее время. Я хмуро посмотрел ему вслед, затем достал из кармана пришедший первым конверт и начал рассматривать фотографии лежащие внутри.

Фото, где Майкл на стройплощадке, было сделано здесь. Жук был здесь, наблюдая за ним.

Он может быть и сейчас здесь.

Я вылез из машины, перекинув портупею через плечо, так что рукоять меча торчала выше моей головы. Держа фото в руке, я начал нарезать круги по участку, стараясь определить, где находился Жук, когда он делал снимки. Я заработал несколько косых взглядов от работающих мужчин, но я воспринимал это как само собой полагающееся.

На то, чтобы определить место, которое использовал Жук, у меня ушло всего несколько минут — тенистое место, покрытое травой и невысоким кустарником позади сваленных в груду деревьев. Это место позволяло достаточно хорошо укрыться, если никто не будет уж очень пристально вглядываться. Правда, оно находилось далековато, поэтому для того чтобы получить снимки такого качества ему пришлось использовать какие-то линзы. Я слышал, что современные цифровые камеры дают, действительно, фантастическое приближение.

Я нашел отпечатки ног.

По ним не слишком много прочтешь. Я не Рейнджер Рик или кто-то наподобие, но у меня был учитель, который позаботился о том, чтобы я получил свою квоту занятий туризмом и кемпингом по пересеченной местности Озарка, и он обучил меня основам — куда смотреть и на что смотреть. Дождь прошлой ночью стер любые слабые следы, но я бы не доверял своей интерпретации их в любом случае. Я нашел один четкий след левой мужской ноги — достаточно глубокий, полдюжины нечетких, и несколько сломанных веточек на тропе ведущей прочь. Он пришел сюда, покрутился здесь какое-то время и затем ушел.

Впрочем, то же самое мог сказать любой, кто видел фото, даже не видя следов.

А я ведь этого парня практически схватил.

Не было никаких оберток от жевательной резинки, окурков сигарет, или случайно выпавших визитных карточек, что могло бы открыть личность Жука. Я на самом деле и не думал, что они там будут, но посмотреть все же стоило.

Я еле тащился через покрытую грязью землю обратно к пикапу, когда дверь одной из будок, используемых под склады и каптерки рабочими открылась, оттуда шатаясь, вылез преждевременного полысевший тощий парень с рабочим поясом электрика и двухфутовой катушкой провода. Я прочитал имя «Чак» на бейджике прикрепленном к футболке. Чак пошатнулся в одну сторону, задевая рукоятками инструментов бок пикапа Майкла и оставляя на нем царапины.

Я заглянул в будку. Там валялась пустая бутылка из-под «Джим Бима»

— Эй, Чак, — окликнул я парня. — Помочь тебе донести?

Он затуманенным взглядом посмотрел на меня и, не заметив ничего необычного во мне или в древнем мече, торчащим над моими плечами, протянул с сомнением:

— Нее. Я справлюсь.

— Это круто, — сказал я. — Я все равно собираюсь в ту сторону. А эта штукавина тяжелая. — Я подошел к нему и подхватил один край катушки, принимая на себя часть веса.

Дыхание электрика походило на шум плохо работающего парового двигателя. Он несколько раз кивнул и поменял хватку на катушке.

— Ладно, дружище. Спасибо.

Мы отнесли тяжелую катушку к строящемуся дому. Мне пришлось несколько раз приспособливать свой шаг к случающимся время от времени пьяным кренам Чака. Грохнув катушку на бетонную плиту, которой суждено было стать гаражом или чем-то подобным мы синхронно вздохнули.

— Спасибо, парень, — сказал Чак нечетким голосом.

— Без проблем, — ответил я. — Слушай. Ты действительно считаешь, что тебе нужно прямо сейчас работать с электричеством, Чак?

Он одарил меня возмущенным, пьяно блесевшим взглядом.

— И что это еще должно значить?

— Ну, ты выглядишь немного приболевшим, вот и все.

— Я в порядке, — протянул Чак, раздраженно смотря на меня. — Мне нужно делать работу.

— Ну да, — согласился я. — При этом рискованную работу. С большой вероятностью воспламенения.

Он попытался внимательно посмотреть на меня.

— Что? — Это вышло больше похожим на — *Че* ?

— Я был в нескольких горящих зданиях, парень, и поверь мне, *это* место... — Я бросил взгляд на деревянный каркас вокруг нас. — *Пфух!* Я только повторяю — Пфух.

Он пару секунд обдумывал это, и затем его лицо снова потемнело от злости. Он повернулся и вытащил гаечный ключ из лежащего поблизости ящика с инструментами.

— Отвали, наркот. Прежде чем я расстроюсь.

Я не хотел доставлять никому проблем, будучи втянутым в драку с полупьяным работником Майкла, поэтому я огляделся вокруг, не заметил ли кто-нибудь что-нибудь, но все были заняты своей работой. Так что я только поднял руки перед собой и мягко произнес:

— Все-все, я уйду.

Чак наблюдал за тем, как я удаляюсь. Я вышел за пределы стройки и стал оглядываться по сторонам в поисках линии электропередач, ведущих к строящемуся зданию, найдя таковую, я прошел вдоль неё на улицу, до тех пор, пока не заметил трансформатор. Внимательно осмотрев его, я чуть виновато глянул вокруг себя и вдохнул. Затем протянул руку к ящику, напряг свою волю и прошептал:

— *Hexus* .

Чародеи и технологии несовместимы. В принципе. Длительное нахождение возле активно действующего чародея пагубно сказывается на чем угодно, произведенном после второй Мировой Войны плюс-минус пару лет, особенно если это вещь электрическая. Моя машина ломалась каждые несколько недель, и это тогда, когда я этого не хотел. А что было бы, если бы я постарался?

Трансформатор взорвался гудящим ливнем сине-белых искр, и звуки электропилы, раздававшиеся где-то на стройке, тот же час стихли.

Я вернулся в пикап и тихо сидел там до тех пор, пока не пришел Майкл. Он пристально посмотрел на меня.

— Это было во имя добра, — виновато сказал я. — Ваш электрик был выпивший. К тому времени, как муниципальные власти починят это, он протрезвеет.

— Чак, — пояснил Майкл. — У него проблемы дома.

— Откуда вы это знаете?

— У него жена, дочь, — грустно улыбнулся Майкл. — Я знаю этот взгляд.

— Может быть, если бы он меньше времени проводил с «Джим Бимом», — буркнул я, — все бы наладилось.

— Выпивка, это новое, — произнес Майкл, озабоченно глядя на дом. — Он хороший человек. У него сейчас черная полоса. — Он быстро глянул на меня. — Спасибо вам, Гарри. Может быть, в следующий раз... вы сможете просто сказать мне об этом?

Унс, Гарри. Это, наверное, могло сработать . Я невозмутимо кивнул головой.

— Я так разрываю проблемы.

— Разрываете? — переспросил Майкл улыбаясь.

— Я слышал, Молли однажды так сказала. Так что это должно быть круто.

— Разрываете... — Майкл покачал головой и завел пикап. — Ну что ж. Вы пытались помочь. Это благородный поступок.

Гарри Дрезден спасает мир! Один акт случайного разрушения за один раз!

* * *

— Хорошо, — сказал я Молли, готовясь садиться в машину. — Только держи своё остроумие при себе.

— Я знаю, — ответила она невозмутимо.

— Если возникнут неприятности — любые неприятности, ты позвонишь копам, —

категорически заявил я. — Этот парень действует, как новичок, но он все равно может запросто тебя убить. Если ты увидишь его, не связывайся с ним. И, во всяком случае, не позволяй своему отцу делать этого.

Молли раздраженно закатила глаза. Затем она быстро прошептала слово и растворилась. Исчезла. Она стояла от меня на расстоянии вытянутой руки, но я не смог её увидеть.

— Давай посмотрим, как придурок попадется на это, — услышал я её приглушенный голос.

— И пока мы не разобрались со всем этим, будем надеяться, что он не использует инфракрасный прицел, — холодным тоном продолжил я.

Она снова стала видимой и лукаво глянула на меня.

— Это должно быть расшифровано, как: «Молли, сохраняй осторожность и зови на помощь, если возникнут проблемы». Я иду с папой на софтбол, и ты будешь вторым человеком, которому я позвоню, если почувствую дуновение опасности.

Я заворчал:

— Может быть, я должен притащить с собой Мыша. Пускай он тоже побудет с тобой.

— Может быть, ты должен держать его поближе к Мечам, — сказала Молли тихо. — Мой папа просто солдат в отставке. Мечи — вот воплощение Веры и Силы.

— Мечи это куски острого металла. Люди, которые держат их, делают их опасными.

— На тот случай, если ты этого до сих пор не заметил, мой папа больше не один из этих людей, — резко проговорила Молли. Она убрала мешающую прядь золотистых волос за ухо и озабочено посмотрела на меня. — Ты уверен, это не из-за того, что ты винишь себя в том, что случилось с моим отцом?

— Я не виню себя, — тихо буркнул я.

Моя ученица очень скептически приподняла бровь.

Я отвернулся от неё.

— Ты хочешь поговорить со мной об этом?

— Нет, — произнес я и внезапно почувствовал себя очень усталым. — Нет, до тех пор, пока я не буду, уверен, что Мечи в безопасности.

— Если он знал, куда отправить снимки, — сказала Молли, — тогда он знает, где находится твой дом.

— Но он не может попасть внутрь. Даже если он подберется, когда дверь или одно из окон будет открыто, то щиты-обереги испепелят его.

— Хоть твои щиты и идеальны, — возразила Молли. — Но разве нет другого пути, обойти их? Например, такого, как это сделали некроманты, несколько лет назад? Помнишь, ты мне рассказывал?

— Они не бродят поблизости, — напомнил я. — Они убрались отсюда. Но я понял твои доводы. Если придется, я пройду по одной из Троп в командный центр Стражей в Эдинбурге, и оставлю Мечи в моём шкафчике.

Глаза Молли расширились.

— Увау. Шкафчике?

— Формальность. Я не использую его. Но у меня есть записанная комбинация от его дверцы.... Где-то.... На салфетке.... Я так думаю....

— Это трудно, быть таким предусмотрительным, как ты, босс?

— Чертовски.

— Оно так и выглядит. — Её улыбка увяла. — Что ты собираешься делать после того, как будешь уверен, что мечи в безопасности?

У неё не было мыслей на этот счет. Она не знала, что должно было произойти в следующее несколько минут. Так что я подарил ей мою лучшую покерную улыбку и сказал:

— Всему своё время, кузнечик. Всему своё время.

Я начал собирать силу в браслет-щит примерно за полмили от дома. Такой вид активной магии не очень полезен для Жучка, но иметь обезглавленного водителя, врезавшегося в здание, было бы для него еще хуже. Одновременно я попытался как можно быстрее застегнуть пуговицы на моем кожаном пыльнике. Заклятия, которые усиливали плащ, были свежие — однажды они спасли меня от выпущенной из «Калашникова» пули — но это было не одно и то же, что пуля пятидесятого калибра, выпущенная снайпером.

Жук упустил свой шанс заполучить меч возле дома Майкла. Это действительно тяжело — следить за кем-либо и не быть замеченным, если вы работаете один, и у вас нет группы из нескольких машин, подменяющих друг друга во время слежки. Этот рок преследует все операции, которые осуществляют одиночки. Сегодня Жук за мной не следил, исключая то, что он отказался от своей затеи (ну да, конечно) — это могло означать, что он где-то меня поджидает. У него было в изобилии времени, чтобы расставить западню в том месте, где я появлюсь обязательно.

Дома.

Мечи были моим приоритетом. Я не планировал суицид или что-то вроде этого, но, в конце концов, я только человек. Мечи же были колючками в заднице злодеев около двух тысяч лет.

В долгосрочной перспективе, мир нуждался в них больше, чем в одном потрепанном и немного усталом профессиональном чародее.

Когда я выехал на улицу, ведущую к моей квартире, я надавил на газ. Конечно в старом VW Жуке, это и близко не такой впечатляющий звук. Моя машине ревет не громче, чем громкий кашель, но я увеличил скорость и вел так экстремально, как только мог, пока все колеса держались на земле. Только я успел с заносом остановиться перед моей входной дверью, как мотор задрезжал, засвистел, и начал извергать черный дым, что получилось гораздо более круто, чем было моей целью.

Держа Меч в руке, я стремглав бросился вниз к входной двери в мою полуподвальную квартиру, окруженный легким туманом защитного купола, в который я накачал максимальную силу браслета.

Когда моя нога коснулась первой ступени, возникла вспышка света и в спину мне врезалась кувалда. Это закрутило меня против часовой стрелки и швырнуло вниз. Я упал в нескольких шагах от входной двери и ударился головой, моё плечо завопило от боли, и вкус крови наполнил рот. Браслет-щит обжигал запястье. Все вертелось, я не был уверен, какой путь я выбрал, чтобы упасть, словно гравитация перестала работать.

— Поднимайся, Гарри, — сказал я себе. — Он приближается. Он приближается за Мечом. Поднимайся.

Во время падения ключи выпали из моих рук, и теперь я терял время, разыскивая их.

Я увидел кровь, залившую мою футболку.

Ключи лежали на бетонном полу лестницы. Я тупо уставился на них. Прежде чем я их поднял, мне потребовалось около минуты, чтобы вспомнить, зачем они мне нужны. Затем еще минута на то чтобы разобраться, который из пяти ключей, висевших на кольце, был от моей парадной двери. Голова раскалывалась, я чувствовал себя больным и не мог сделать вдох.

Я попытался опереться на руку, чтобы открыть дверь, но моё левое плечо не выдержало мой вес, и я почти стукнулся головой об бетон.

Я поднялся на колено и стал пихать ключ в замочную скважину.

Он приближается. Он приближается.

Вспыхнули синие искры, и маленький разряд обжег болью мою руку.

Мои береги. Я забыл об берегах.

Я попытался собрать снова волю, но не смог склеить мысли воедино. Я пробовал снова и снова и наконец-то смог выполнить маленькое рутинное заклинание, которое отключает их.

Вставив ключ в замок, я повернул его. Затем толкнул дверь.

Она не открылась.

Моя дверь — массивная стальная, практически сейфовая. Я устанавливал её сам, и я — ужасный плотник. Она стоит чуть криво и требует достаточно внушительных усилий, чтобы открывать и закрывать её. Обычно я использовал ставший уже привычным удар и толчок плечом и бедром, — но, как и заклинание которое отключало мои обереги, это простое задание было для меня в прошлом.

Шаги захрустели по гравии.

Он приближается.

А я не мог открыть дверь. Я снова навалился на неё, так сильно, как только мог.

Дверь заскрипела и завизжала, рывком открываясь с другой стороны. Мой огромный, лохматый серый пес, Мыш, упершись передними лапами в землю, протиснулся через щель и схватил мою правую руку за бицепс. Его челюсти были как тиски, но, несмотря на это зубы не прокусили кожу. Он потащил меня через дверь, как большую, шатающуюся пожеванную игрушку. Перевалившись через порог, я увидел Жука, появившегося наверху лестницы, темной тенью на фоне синего утреннего неба.

Он поднял пистолет — личное оружие военнослужащего.

Я пнул дверь обоими ногами, вложив в удар все имеющиеся у меня силы.

Пистолет выстрелил. Реальное оружие не похоже, на оружие в фильмах. Звук более плоский, более механический. Я не видел вспышки, потому что я смог чуть прикрыть дверь. Пули забарабанили по стали, как градины по жестяной крыше.

Мыш навалился плечом на дверь и с хлопком закрыл её.

Я, лепеча в панической спешке, обратился к оберегам и смог восстановить их как раз вовремя, чтобы услышать громкий хлопающий звук, вопль и проклятия, донесшиеся с улицы. Затем я поднялся и задвинул засов, чтобы уж наверняка.

Затем я повалился на пол квартиры наблюдая, как крутится потолок.

Спустя две или три минуты, я почувствовал себя немного лучше. Моя голова и плечо чертовски болели, но я мог дышать. Я сел и попробовал пошевелить руками и ногами — трое из них работали. Но моё левое плечо буквально взорвалось, перед глазами поплыли круги, и мне стало больно даже просто смотреть вперед.

Я знал несколько приемов для ослабления и игнорирования боли, некоторые из них были даже слишком эффективные — но я не мог сконцентрироваться ни на одном из них и заставить это работать. Моя голова слишком сильно болела.

Я нуждался в помощи.

* * *

Я дополз до телефона, набрал номер и, пробормотав что-то на другой конец линии, повалился снова на пол, чувствуя себя еще хуже. Жук должен был сейчас убраться, зная, что звуки выстрелов могут привлечь внимание. Теперь, когда меч был внутри, под защитой моих оберегов, для него не осталось причин слоняться без дела снаружи моей квартиры. Я на это надеялся.

Следующее, что я осознал, был Мыш, скребущийся воле входной двери и издающий обеспокоенные звуки. Я дотащился до входа, отключил обереги и открыл дверь.

— Это гильзы валяются на земле? А это кровь? — спросил маленький мужчина в бледно-голубом больничном халате и черном джинсовом пиджаке. У него были всклокоченные темные волосы, выглядевшие как взорванный стог сена, и черные проволоочные очки. — Святая Анна, Гарри, что с тобой случилось?

Я активировал обереги и закрыл за ним дверь.

— Хай, Баттерс. Я упал.

— Нам нужно доставить тебя в больницу, — сказал он, пытаясь добраться до телефона. Я слабо хлопнул его по руке, чтобы удержать от поднятия трубки.

— Нельзя. Никаких больниц.

— Гарри, ты же знаешь, что я не доктор.

— Да, верно. Я видел твою визитную карточку. — Результатом от высказывания такого количества слов стала усилившаяся боль.

— Я патологоанатом. Я разрезаю мертвых людей и рассказываю тебе о них различные вещи. У меня не бывает живых пациентов.

— Попридержи коней, — попытался пошутить я. — Пока еще слишком рано для этого. Все еще слишком много слов.

— Ох, это все фигня, — пробормотал он, затем покачал головой, — Мне нужно больше света.

— Спички, — прошептал я. — Каминная полка.

Лучше.

Он взял спички и начал зажигать свечи. Ага, а следующим пунктом скажу ему, чтобы достал банку с пивками.

Баттерс нашел аптечку под моей кухонной раковиной, вскипятил немного воды и подошел проверить меня. Ну а я отключился на несколько минут. Когда я пришел в сознание, он возился с ножницами и моим плащом.

— Эй! — запротестовал я. — Отвали от плаща!

— Ты вывихнул плечо, — проинформировал он меня, сосредоточенно нахмурившись и не отрываясь от работы с ножницами. — Ты не захочешь извиваться, пытаюсь снять его.

— Это не то, что я...

Заклепка, которая держала вместе две половинки ножниц, лопнула, когда Баттерс приложил больше усилий на их ручки, и ножницы распались на две половинки. Он уставился на них в шоке.

— Говорил же тебе, — пробормотал я, — защита.

— Хорошо, — вздохнул он. — Я догадываюсь, что мы сделаем это трудным способом.

Я не буду надоедать вам подробностями. Спустя десять минут плащ был снят, плечо было вправлено, и Баттерс притворялся, что мои крики на протяжении двух неудачных попыток поставить сустав на место не надоели ему. Я снова потерял сознание, и когда очнулся, Баттерс вручил мне в руку банку холодной колы.

— Держи, — сказал он. — Выпей что-нибудь. Оставайся в сознании.

Я глотнул. Фактически — я с жадностью к ней присосался. Где-то в середине, он дал мне несколько таблеток ибупрофена, и велел проглотить их, что я и сделал.

Я затуманено смотрел на Баттерса, когда он поднял мой пыльник и повернул его, чтобы показать мне тыльную сторону.

В кожаном полотне было отверстие. Я поковырял в дыре пальцами. Чуть ниже отверстия, примерно в трех дюймах ниже воротника и в волоске от позвоночника, расплющились несколько унций металла о второй слой укрепленной заклеей кожи.

Это было пугающим. Даже с моей лучшей обороноспособностью, я сегодня был весьма близок к смерти.

Если бы Жук попал в меня шестью дюймами ниже, только один слой кожи был бы между пулей и моей шкурой; несколько дюймов выше, и она попала бы мне в абсолютно незащищенную шею. И если бы он не выждал на четверть секунды больше, когда моя нога спустится на первую ступеньку, ведущую к моей двери, он бы размазал мои мозги по стене пансиона.

— Ты снова сломал нос, — заявил Баттерс. — Вот откуда часть крови. Вдобавок ко всему рваная рана у тебя на голове. Я зашил её. У тебя напряжена шея. Возможно растяжение, из-за ударившей в тебя пули. Еще у тебя на левом запястье незначительные ожоги, и к тому же я абсолютно точно уверен, что у тебя сотрясение мозга.

— Ну а в остальном, — пробормотал я, — я чувствую себя просто прекрасно.

— Не шути, Гарри, — хмуро глянул Баттерс. — Ты должен быть под присмотром.

— Уже, — откликнулся я. — И смотри, к чему это привело.

Он поморщился.

— Доктора обязаны докладывать об огнестрельных ранениях в полицию.

— Как хорошо, что у меня нет огнестрельных ран, да? Я только упал с лестницы.

Баттерс снова покачал головой и повернулся к телефону.

— Приведи мне хороший повод не делать этого, или я позвоню Мёрфи прямо сейчас.

Я раздраженно фыркнул.

— Я защищаю что-то важное. Кое-кто другой хочет это заполучить. Если в дело вмешается полиция, то эту вещь, вероятно, конфискуют, как вещественное доказательство. Это недопустимо. Не говоря уж, что при этом может пострадать множество людей.

— Что-то важное, — серьезно глядя на меня, произнес Баттерс. — Что-то вроде магического меча?

Я бросил на него хмурый взгляд.

— Откуда ты знаешь?

Он кивком показал на мою руку.

— Потому что ты не выпускаешь его из рук.

Глянув вниз, я обнаружил, что побелевшие от напряжения обожженные пальцы моей левой руки вцепились в рукоять «Амораккиуса» мертвой хваткой.

— Ох, да. Немного похоже на намек, не так ли?

— Ты сможешь отпустить его сейчас, как ты думаешь? — спросил Баттерс спокойно.

— Я попытаюсь, — вздохнул я. — Мои пальцы, похоже, решили превратиться в замок.

— Хорошо. Давай попробуем разжимать по одному пальцу за раз.

Баттерс по очереди аккуратно разжал мои пальцы и вынул меч из моей ладони. Рука тут же сомкнулась снова, сухожилия закрипели, и я вздрогнул. Это было немного больно, но в настоящее время это было действительно второстепенной вещью.

Баттерс отложил меч в сторону и немедленно взялся за мою руку, сильно её массируя.

— Мёрфи будет недовольна, если ты ей не позвонишь.

— У Мёрфи и у меня уже расходились взгляд на этот вопрос прежде, — пожал я плечом.

Баттерс поморщился.

— Хорошо. Чем я могу помочь?

— Ты уже помогаешь.

— Кроме этого.

Я пару мгновений смотрел на маленького М.Е... Баттерс был моим неофициальным доктором длительное время, никогда не спрашивая ничего лишнего. Он уже вляпывался в некоторые серьезные проблемы из-за меня. Однажды он спас мне жизнь. Я доверял его выбору. В целом, я доверял ему.

Так что, тем временем пока кровь возвращалась в руку, я рассказал ему в общих чертах и о Жуке и о мечах.

— Так этот парень, Жук, — продолжая массировать мне руку, спросил Баттерс, — он — просто человек?

— Давай не будем забывать, — напомнил я, — что, несмотря на все словоблудие, именно люди доминируют на большей части планеты.

— Да, но он — только человек, — повторил Баттерс. — Как теперь?

Я несколько раз согнул и разогнул пальцы, при этом чуть вздрагивая.

— Уже хорошо. Спасибо.

Он кивнул и встал, прошел на кухню, где наполнил миску моего пса водой, затем сделал тоже самое для моего кота, Мистера.

— Я подразумеваю, — серьезно произнес он, — что если этот парень не супер-магическое чего-то-там, то он должен был узнать откуда-то про мечи, как и всякий человек.

— Нуу, — кивнул я. — Да.

Баттерс глянул на меня поверх очков.

— Итак, кто знал, что у тебя есть мечи?

— Достаточно многие знают, что у меня есть меч Широ, — я прошелся по комнате. — Но этот парень попытался достать меня через Майкла. А единственные кто знал, что «Амораккиус» Майкла у меня — это несколько архангелов, Майкл, Саня, и...

Баттерс наклонил голову, выжидающе глядя на меня.

— И Церковь, — раздраженно закончил я.

* * *

Церковь Св. Марии всех Ангелов является внушительным сооружением — огромным, изящным и слегка избыточным для окружающей его городской архитектуры. Она занимает практически целый квартал — массивная, каменная и готически черная, как глазурь на торте в честь дня рожденья.

Я пытался обнаружить за собой хвост на протяжении всего пути туда, и был уверен, что меня никто не преследовал. Припарковавшись на стоянке позади церкви я поднялся к служебной двери. В результате двадцатисекундного стука в дверь она открылась, явив моему взгляду высокого, выглядевшего сбитым с толку старого священника.

— Слушаю вас? — спросил он.

— Я должен увидеть отца Фортхилла, — заявил я.

— Извините меня... — начал он.

— Все в порядке, падре, — перебил я его, хватая за плечо и, скажем так, не совсем вежливо отодвигая его в сторону. — Я найду его сам.

— Так, послушайте, молодой человек...

Он, возможно, сказал что-то еще, но я не обращал на это внимания. Пройдя мимо него в помещение церкви, я направился в комнату отца Фортхилла. Я дважды постучал, распахнул дверь и наткнулся на священника в нижнем белье.

Отец Фортхилл был коренастым мужчиной среднего роста, с остатками седых волос на практически лысой голове и глазами цвета яиц малиновки. Он был в боксерах, майке, и черных носках. Полотенце свисало с шеи, остатки волос были влажными и колючками торчали на голове. Множество людей было бы оскорблено таким моим появлением, у других это вызвало бы шок, но отец Фортхилл знал меня достаточно хорошо, поэтому он спокойно произнес:

— Привет, Гарри.

Хоть я и вломился, словно вооруженный бластером охотник на Снарка, даже не смотря на то, что я не был достаточно религиозен, у меня были кое-какие представления о том, что было или не было подобающим. Застать священника в нижнем белье подобающим не было, особенно если ты при этом вваливаешься в его комнату без приглашения.

— Ох, — пробормотал я, запинаясь — Ой.

Фортхилл покачал головой, улыбаясь.

— Да, священники купаются. Мы едим. Мы спим. Изредка мы даже ходим в туалет.

— Да, — потупился я. — Эээ. Да.

— Мне лучше одеться, — сказал он спокойно. — Я провожу мессу этой ночью.

— Мессу?

Фортхилл коротко рассмеялся.

— Гарри, ты же не думаешь, что я сижу в этом старом сарае, дожидаясь шанса сделать тебе сэндвич, перевязать раны и предложить совет. — Он кивнул на стену, где висел комплект одежды. — В будние вечера и молодой команде позволено закинуть шар.

— Нам необходимо поговорить, — выпалил я. — Это касается мечей.

Он кивнул и улыбнулся.

— Может, сначала я надену штаны?

— Да, конечно. Извините. — Я спиной назад вышел из комнаты и закрыл дверь.

Появился незнакомый мне священник и начал сверлить меня взглядом, но Фортхилл, одетый в свою обычную черную рясу с белым воротничком, прибыл вовремя, чтобы спасти

меня:

— Все в порядке, Пауло, — обратился он к священнику. — Я поговорю с ним.

Отец Пауло хмыкнул, и сердито стрельнув в меня глазами, развернулся и ушел.

— Ты выглядишь ужасно, — покачал головой Фортхилл. — Что случилось?

Я рассказал ему все без прикрас.

— Милосердный Боже, — тихо сказал он, когда я закончил. Это не прозвучало, как: «О, нет!». Это было произнесено медленно, усталым голосом.

Он знал, что происходит.

— Я не могу защищать мечи, если я не знаю, с чем имею дело, — серьезно сказал я. — Расскажите мне, Энтони.

Фортхилл покачал головой.

— Я не могу.

— Только не начинайте, — возмутился я с тихой злостью. — Мне нужно знать.

— Я поклялся не говорить об этом. Никому. Ни по каким причинам. — Он смотрел на меня, сжав челюсти. — Я держу свои обещания.

— То есть вы собираетесь остаться здесь, — зло буркнул я. — И ничего не делать.

— Я не говорил этого, — откликнулся Фортхилл. — Я сделаю все, что смогу.

— Ну да, конечно.

— Я сделаю, — повторил он. — Даю тебе мое слово. Ты должен доверять мне.

— Это было бы легче, если бы вы все объяснили.

Его глаза сузились.

— Сын мой, только не говори, что ты никогда прежде не оказывался на моём месте.

Я задумался, ища такой же саркастический и острый ответ, но все, к чему я пришел, было: «Туше».

Он провел рукой по практически лысой голове, и я внезапно заметил, насколько постарел Фортхилл с тех пор, как я первый раз встретился с ним. Его волосы стали еще более жидкими и тусклыми, руки более сухими и изрезанными морщинами времени.

— Я сожалею, Гарри, — сказал он, похоже, искренне. — Если бы я мог... есть что-нибудь еще, что я могу сделать для тебя?

— Вы можете поторопиться, — ответил я тихо. — Напряжение нарастает, кто-то отправится на встречу с Всевышним.

И возможно это буду я.

* * *

Я с повышенным вниманием приближался к парку. У меня заняло примерно полчаса на то чтобы убедиться, что там нет Жука, готового поприветствовать меня еще одним салютом пятидесятого калибра. Конечно, он мог наблюдать из окна одного из ближайших зданий — но ни одно из них не было отелем и не предоставляло квартиры в аренду, и ни одно возвышение вокруг парка не предоставляло хорошего обзора для стрельбы. К тому же, если я буду избегать каждого места, где маньяк с мощной винтовкой, возможно, может выстрелить в меня, то я проведу остаток своей жизни дома под кроватью.

Тем не менее, во избежание вреда осторожность не помешает. Вместо того чтобы идти через открытое пространство парка к софтбольному полю, я выбрал окружной путь по внешней стороне — и услышал тихие рыдания из полумрака под трибуной, напротив той, где я сидел с Майклом.

Я замедлил шаги и, приблизившись, заглянул под трибуну.

Девушка в шортах, кедах и зеленовато-голубом командном свитере, сидела, обхватив руками колени, и тихо плакала. У неё были волнистые рыжие волосы, и она была слишком худощава, даже для кого-то её возраста. Мне понадобилось около минуты, чтобы узнать в ней члена команды Алисии — игрока второй базы.

— Эй, там, — сказал я тихо, стараясь говорить ласково. — С тобой все в порядке?

Девушка посмотрела вверх, её глаза расширились от удивления, и она немедленно начала вытирать глаза и нос.

— Ой. Ой, да. Я в порядке. Я в полном порядке, сэр.

— Верю, верю. Сейчас ты мне скажешь, что у тебя аллергия, — улыбнулся я.

Она глянула на меня с маленьким намеком на улыбку, в тяжелом дыхании мелькнул призрачный намек на смех, который тут же трансформировался в еще один всхлип. Её лицо исказилось в мучительной гримасе. Она вздрогнула и, опустив голову, заплакала еще сильнее.

Я могу быть таким сосунком. Я залез под трибуны и сел возле неё, на расстоянии нескольких футов. Девушка проплакала еще несколько минут, пока не начала успокаиваться.

— Я знаю вас, — сказала она минуту спустя, между всхлипываниями. — Вы говорили вчера с тренером Карпентер. Алисия сказала, вы друг семьи.

— Я бы хотел так думать, — согласился я. — Я Гарри.

— Кэли. — Шмыгнула она носом.

Я кивнул.

— Разве ты не должна тренироваться с командой, Кэли?

Она пожала своими тощими плечами.

— Это не помогает.

— Помогает?

— Я безнадежна, — пробормотала она. — Я облажалась во всем, за что бралась.

— Ну, это не правда, — заверил я её. — Никто не может быть плох в *абсолютно всем*. Нет такой вещи, как идеальное облажательство.

— Это я, — сказала она. — Мы проиграли две игры за этот год, и обе из-за того, что я облажалась. Мы выступаем в финальном матче на следующей неделе, и все рассчитывают на меня, а я... я могу подвести их.

Адские колокола, что за смешные маленькие проблемы. Но было очевидно, что это очень серьезно для Кэли и это целый мир для неё. Она была просто подростком. Для неё это, наверное, выглядело как очень большая проблема.

— Давление, — кивнул я. — Думаю, я понял, в чем дело.

Она посмотрела на меня.

— Честно?

— Конечно. Мне это знакомо. Ты чувствуешь, что человеческие жизни зависят от тебя, и если ты ошибешься, то они очень сильно пострадают — и это будет твоя вина.

— Да, — сказала она, хлюпая носом. — И я стараюсь изо всех сил, но я не могу.

— Быть идеальной? — спросил я. — Нет, конечно же, нет. Но какой выбор у тебя есть?

Она заинтересованно смотрела на меня.

— Ты рискуешь облажаться, делая любое действие. Ты можешь однажды плохо проделать упражнение по пересечению улицы и попасть под машину.

— Могу, наверное. — Кивнула она мрачно.

Я поднял вверх руку.

— Моё мнение. — Сказал я ей. — Если ты хочешь избежать рискованных действий, ты можешь остаться дома, закутаться в кокон из пупырчатого полиэтилена и никогда ничего не делать.

— Может я так и должна сделать.

Я фыркнул.

— Они все еще заставляют вас читать Диккенса в школе? «Большие надежды»?

— Ага.

— Ты можешь остаться дома и спрятаться, если ты так хочешь — и сдать, как мисс Хэвишем. Наблюдать за жизнью из окна и раздумывать, какие вещи могли бы случиться или не случиться.

— Боже Мой, — воскликнула она. — Вы только что сделали Диккенса писателем моей жизни.

— Странно, верно? — спросил я её, кивая головой.

Кэли издала маленький задыхающийся смешок.

Я поднялся и кивнул ей:

— Я никогда не видел тебя, прячущуюся здесь, ладно? Я собираюсь сделать то, что собираюсь сделать, и оставляю тебя делать свой выбор.

— Выбор?

— Конечно. Ты хочешь снова надеть бейсболку и играть? Или ты хочешь сдать и старой девой кружить по дому в остатках истлевшего свадебного платья и тридцати ярдах пупырчатого полиэтилена, строя заговоры против парня по имени Пип? — Я внимательно посмотрел на неё.

— Я уверена, что это не верно, — серьезно ответила она.

— Знаешь что? В этом деле нет половинных решений. Я не очень хорош в том, чтобы давать мудрые советы, но это не останавливает меня от попыток. — Я подмигнул ей и ушел, обойдя вокруг опор туда, где в дальнем конце поля, на трибуне сидел Майкл.

Молли прикорнула на подстилке под деревом примерно в десяти ярдах от нас, с наушниками-пуговицами, проводки от которых исчезали в переднем кармане её рубашки, словно она слушала цифровой музыкальный плеер. Я предполагаю, она не смогла бы слушать одну из этих штукovin дольше, чем я. По-видимому, она, таким образом, пыталась раствориться с фоном. На ней были солнечные очки, так что я не мог сказать, куда она смотрела, но я был уверен, что она настороже. Кузнечик чуть заметно кивнула, когда я приблизился к её отцу.

Я сел возле него и подождал, пока он обратит на меня внимание.

— Гарри, — внимательно глянув на меня, сказал Майкл. — Вы выглядите ужасно.

— Да, я знаю, — вздохнул я и рассказал ему про неудавшееся покушение и о моей беседе с Фортхиллом.

Майкл оторвался от наблюдения за тренировкой ребят, выражение его лица было немного взволновано.

— Церковь не сделала бы что-то вроде этого, Гарри. Они не так действуют.

— Люди это люди, Майкл, — вздохнул я. — Люди делают разные вещи. Люди делают ошибки.

— Но это не Церковь, — он покачал головой. — Если этот человек принадлежит Церкви, он не действует с их благословения или с их указания.

Я пожал плечами.

— Может быть. Может быть нет. Не думаю, что они были довольны мною, когда я на несколько дней задержал возвращение Плащаницы.

— Но ты же вернул её, целую и невредимую, — возразил Майкл.

— Как много людей знает о мече? Как много людей знает, что я храню «Амораккиус»?

Он покачал головой.

— Я не понимаю. Учитывая тех противников, с которыми они борются, осведомленных людей в Церкви на перечет и они находятся под двойной защитой.

Я жестом показал на стадион вокруг нас.

— На перечет для меня — это как футбольное поле.

Он тяжело выдохнул.

— Честно говоря, я не знаю. Я лично встречал около двух сотен священников, которые были посвящены в нашу миссию, но я не буду, удивлен, если в целом их будет шесть или семь сотен по всему миру. Но даже среди них не распространяется более важная информация. Пять или шесть человек, и все. Плюс Его Святейшество.

— Ну, я предполагаю, что Папа не лично отдал указание избавиться от меня, — сказал я здраво. — Но как я могу быть уверен в остальных?

— Ты можешь поговорить с отцом Фор...

— Был там, сделал это. Он не говорит.

Майкл поморщился.

— Я понял.

— Итак, другие, кроме него...

Он развел руками.

— Я не знаю, Гарри. Фортхилл был моим основным мирским контактом.

Я удивленно моргнул.

— Он никогда не говорил с тобой про поддерживающую вас структуру в Церкви?

— Он поклялся не распространяться об этом, — сказал Майкл. — Я просто доверял ему. Извини меня. — Он поднялся и прокричал — Спасибо, леди! Два круга вокруг парка и на сегодня мы закончили.

Команда начала снимать перчатки и прочие обмундирование, и выстраиваться в линию для пробежки вокруг внешней части парка. Они делали это без лишней суматохи, болтая и смеясь. Я отметил, что Кэли была среди них, и почувствовал себя чуть более уверенным.

— Я бы действительно хотел сохранить мои мозги внутри черепа, — сказал я Майклу, когда он снова сел. — И если один из Церковной верхушки допустил утечку информации или переметнулся на другую сторону, они должны знать это.

— Да.

Я помолчал, окидывая взглядом опустевшую площадку для софтбола.

— Я не хочу никого убивать. Но Жук не собирается отставать. А я не собираюсь приобретать лишних отверстий.

Майкл хмуро посмотрел вниз на свои руки.

— Гарри. Вы говорите об убийстве.

— Какое удивление, — буркнул я, — особенно после того, как я получил одну из этих монстра-пуль в спину.

— Должен быть какой-то другой путь, чтобы покончить с этим без кровопро...

Через его плечо, я увидел Молли, которая внезапно подскочила на ноги и, сдернув солнечные очки, смотрела на что-то с растерянным выражением на лице. Затем с той стороны, куда был направлен ее взгляд, показались девушки из команды. Они бежали изо всех сил, что-то крича на бегу.

— Тренер! — кричала Кэли. — Тренер! Мужчина схватил её.

— Спокойнее, спокойнее, — произнес Майкл, поднимаясь. Он положил руки на плечи Кэли, пока Молли торопливо подошла ближе. — Спокойнее. О чем ты говоришь?

— Он вылез из фургона с одной из этих электрошокерских штучек, — пролепетала Кэли, сквозь тяжелое дыхание. — Он сделал что-то с ней, потом положил её в фургон и уехал.

Молли резко вздохнула и стала зеленеть на глазах.

Майкл с секунду смотрел на девушку, затем глянул на меня. Его глаза расширились от ужаса.

— Алисия! — закричал он, диким взглядом оглядывая парк. — Алисия!

— Он схватил её! — всхлипнула Кэли, от слез её лицо покрылось пятнами. — Он схватил её!

— Кэли, — громко произнес я, привлекая её внимание. — Как он выглядел?

Она покачала головой.

— Я не знаю, я не могу точно сказать... Белый, не очень высокий. Волосы очень коротко подстрижены. Как армейская стрижка.

Жук.

Он угрожал Майклу, чтобы я вынес меч из квартиры туда, где он был уязвимым. Затем он попытался убить меня, прежде чем я его не спрятал. А когда и это не удалось, он решил попробовать что-то новенькое.

— Молли, — сказал Майкл твердо. — Возьми пикап. Отвези Сандру и Донну домой. В дороге позвони маме и расскажи её, что случилось. Оставайтесь дома.

— Но... — начала Молли.

Майкл тяжело посмотрел на неё:

— Сейчас же.

— Да, сэр, — немедленно отозвалась Молли.

Майкл бросил ей ключи от пикапа. Затем повернулся к ближайшей сумке с оборудованием, и резким движением достал из неё алюминиевую битку. Он крутанул её вокруг текучим плавным движением, удовлетворенно кивнул и повернулся ко мне.

— Поехали. Вы ведете.

— Хорошо, — кивнул я. — Куда?

— Святая Мария, — мрачным голосом ответил Майкл. — Я собираюсь поговорить с Фортхиллом.

Фортхилл только закончил проводить вечернюю мессу, когда мы появились. Отец Пауло поприветствовал Майкла как давно потерянного и вновь обретенного сына, и конечно: «... вы можете подождать Фортхилла в его кабинете...». Я подозревал, что Пауло чувствовал глубокое разочарование в отношении меня. Но это было нормально. Я тоже не чувствовал к нему особого доверия.

Мы ожидали в кабинете около пяти минут, когда пришел старый священник. Он бросил взгляд на Майкла и побледнел.

— Расскажи мне про Орден, — не повышая голоса, попросил Майкл.

— Сын мой, — сказал Фортхилл. Он покачал головой. — Ты знаешь, что я...

— Он похитил Алисию, Тони.

Рот Фортхилла чуть приоткрылся.

— Что?

— Он похитил мою дочь, — проревел Майкл, его голос буквально тряс стены. — Мне все равно, какими клятвами ты клялся. Мне все равно, какие знания Церковь считает необходимыми скрывать, чтобы обеспечить секретность. Мы должны найти этого мужчину и найти его немедленно.

Я удивленно глянул на Майкла и почувствовал, что немного отклоняюсь от него. Жар его ярости можно было практически пощупать руками, он чувствовался как что-то осязаемое, какой-то своей особенной силой в этой комнате.

Фортхилл смотрел на эту ярость, как старая скала, упрямо стоящая в бушующем море — старая и нерушимая.

— Я не нарушу свои клятвы, Майкл. Даже для тебя.

— Я не прошу сделать это для меня, — прорычал Майкл. — Я прошу сделать это для Алисии.

Фортхилл вздрогнул.

— Майкл, — сказал он невозмутимо. — Орден небеспричинно сохраняет секретность. Враги пытались разрушить его на протяжении двух тысяч лет, и за это время орден помог сотням тысяч, даже миллионам. Ты знаешь это. Брешь в секретности может подвергнуть весь орден риску — и это более значимо, чем моя жизнь или ваши.

— Или невинного ребенка, очевидно, — встрял я. — Я предполагаю, что фразу «пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им» вы понимаете отчасти буквально, а, падре?

Фортхилл перевел взгляд с Майкла на меня и затем посмотрел в пол. Он глубоко вздохнул и провел руками по одежде.

— Это никогда не станет легче, не так ли? Пытаться работать по правилам и делать правильные вещи? — И сам же ответил на собственный вопрос. — Нет. Я предполагаю, что проще указать надлежащий путь, чем фактически следовать ему.

Он поднялся и подошел к одной из секций стены обшитой деревом. Отец Фортхилл положил руки на верхний правый и нижний левый угол панели, и с напряжением толкнул ее от себя. Она скользнула в сторону, открыв помещение размером с маленькую кладовку, заставленную картотеками и небольшими книжными полками.

Я переглянулся с Майклом, который приподнял брови от удивления. Судя по всему, он

не знал про этот тайник.

Фортхилл открыл ящик и начал листать папки.

— Ордо Маллеус (*Ordo Malleus*) существовал в том или ином виде с момента основания Церкви. Первоначально, нашей задачей было проведение экзорцизма у одержимых демонами, но когда Церковь разрослась, стало очевидно, что нам надо быть способными противостоять и другим врагам.

— Другим врагам? — переспросил я.

— Различным существам, которые маскировались под богов, — пояснил Фортхилл, — вампиры и другие сверхъестественные хищники. Злобные фэйре, недовольные влиянием Церкви. — Он глянул на меня. — Практикующие колдовство, которые повернули свои силы против последователей Христа.

— Адские колокола, — пробормотал я. — Инквизиция.

Фортхилл поморщился.

— Инквизиция стала основной причиной, по которой Маллеус сохраняет полную секретность — и именно поэтому мы очень редко действуем сами. Это так легко, пустить в ход силу, когда ты уверен, что Бог на твоей стороне. Инквизиция, во многих отношениях, пыталась вести нашу борьбу к свету — однако это привело к тому, что погибло больше невинных мужчин и женщин, чем за века нападений со стороны самых диких сверхъестественных хищников. Мы поддерживаем Рыцарей Креста и делаем все, что в наших силах, чтобы помочь советом и защитить божьих детей от сверхъестественных угроз — как защитили девушку, которую ты привез ко мне в тот год, когда родился младший сын Майкла. Сейчас орден рекрутирует своих членов после годов тщательных наблюдений, и поддерживает среди них высочайший уровень личной, этической честности, насколько это возможно. — Он повернулся к нам, с папкой в руках. — Но как ты отметил ранее, Гарри — мы только люди.

Я взял у него папку, раскрыл её, и увидел фотографию Жука. Я узнал короткую стрижку и слишком жесткие линии подбородка и челюсти. Его глаза были для меня чем-то новым — серые, как камень, холодные и бесстрастные.

— Отец Роарк Дуглас, — прочитал я. — Возраст сорок три. Пять футов одиннадцать дюймов, сто восемьдесят пять фунтов. Снайпер, рейнджер, специалист по взрывчатке, капеллан армии США, был приходским священником в Гватемале, Индонезии и Руанде.

— Милостивый Господи, защити нас, — пробормотал Майкл.

— Ага. Ну, прям настоящий святой воин, — буркнул я, пристально глядя на Фортхилла. — И как этот парень влез в это?

— Я встречал Роарка в нескольких миссиях, — со вздохом начал Фортхилл. — Я был впечатлен его выдержкой и спокойствием перед лицом кризисов. Он неоднократно показывал себя с лучшей стороны, проявляя мужество и защищая своих прихожан в некоторых наиболее опасных местах мира. — Он покачал головой. — Но он... изменился, за последние несколько лет.

— Изменился? — спросил Майкл. — Каким образом?

— Он стал активным сторонником... превентивного вмешательства.

— Он хотел бить на опережение, да? — предположил я.

— Ты бы не говорил так, если бы увидел, какой жизнью живут в некоторых местах, где жил отец Дуглас, — грустно сказал Фортхилл. — Все не так просто.

— И никогда не бывает.

— Он был, в частности, поклонником Широ, — продолжил он. — Когда Широ умер, он был в депрессии. Они работали вместе несколько лет.

— Так же, как вы работали с Майклом.

Фортхилл кивнул.

— Роарк был... не удовлетворен, размещением «Фиделаккиуса». Он довел свою точку зрения до всех членов Маллеуса. Он был возмущен тем, что меч лежит без дела, а время идет.

Я уже мог видеть, к чему это приведет.

— А затем я стал еще и хранителем «Амораккиуса».

Фортхилл кивнул

— Он провел последний год, пытаясь убедить высшее руководство Маллеуса в том, что мы были обмануты. Что ты, на самом деле, агент вражеских сил, который забрал мечи, так чтобы их нельзя было использовать.

— И никто не принял во внимание, что это была идея архангелов?

— Они никогда не показываются больше чем одному- двум людям одновременно — и ты *же* чародей, Гарри, — грустно улыбнулся Фортхилл. — Отец Дуглас полагает, что ты создал иллюзию, которая послужила твоей цели, или... вмешался прямо в наши умы.

— И теперь он в крестовом походе, — пробурчал я.

Фортхилл кивнул.

— Так это выглядит.

Я продолжил читать файл.

— Он разбирается в магии — достаточно хорошо, по крайней мере, чтобы иметь дело со мной. Контактывал с воинствующими сверхъестественными обществами, как Венатори Умброрум, что, наверное, объясняет защитный амулет. — Я покачал головой. — И он думает, он спасает мир. Этот парень воплощенный ночной кошмар.

— Где он, может быть? — спросил Майкл спокойно.

— Он может быть где угодно, — ответил Фортхилл. — Маллеус разместил множество тайников с оборудованием, деньгами и тому подобным. Он может воспользоваться любым из них. Я пытался дозвониться ему на сотовый телефон. Он не отвечает.

— Он думает, вам промыли мозги. Чего вы ожидали, в конце концов?

— Я надеялся, — Фортхилл серьезно посмотрел на меня, — что я смогу попросить его быть терпеливым и иметь веру.

— Я полностью уверен, что это парень думает: вера, это вроде превосходящей огневой мощи. — Я закрыл папку и вручил её обратно Фортхиллу. — Он пытался убить меня. Он похитил Алисию. Насколько я понимаю, он не собирается останавливаться.

Лицо Фортхилла исказила буквально физическая боль, он повернулся к Майклу и умоляюще посмотрел на него.

Лицо Майкла было пустым и жестким, в его глазах пылал сумеречный огонь.

— Этот сучий сын обидел мою маленькую девочку.

Я отступил на шаг назад, чувствуя, что впадаю в прострацию. Так же сделал Фортхилл. В комнате повисла гнетущая тишина.

Старый священник оправился спустя секунду. Он убрал папку обратно в шкаф и закрыл дверь.

— Я рассказал вам все, что знаю, — сказал он. — Я сожалею, что не могу сделать больше.

— Вы можете её найти, так ведь? — спросил Майкл меня. — Так же, как вы нашли Молли?

— Конечно, — кивнул я. — Но он наверняка ожидает этого. Магия это не панацея.

— Но вы можешь найти её, Гарри.

Я пожал плечами.

— Он не сможет помешать мне, найти её. Однако он может сделать так, чтобы она подвергалась опасности, если я попытаюсь что-либо предпринять.

Майкл нахмурился.

— Что вы подразумеваете?

— Он может заключить её в ящик, подвесить его на высоте пятидесяти футов с помощью электромагнита, так что когда я появлюсь рядом и активирую заклинания, цепь разомкнется и она упадет. Ублюдок достаточно умен и сообразителен.

Пальцы Майкла сжались в кулаки.

— К тому же, — продолжил я. — Нам не нужно искать его.

— Нет?

— Нет, — я зло усмехнулся. — У нас есть мечи. У него девочка. — Я повернулся, чтобы уйти. — Он сам найдет нас.

Отец Дуглас позвонил Майклу домой поздно ночью и позвал меня к телефону. Я взял трубку в кабинете Майкла.

— Вы знаете, что я хочу, — сказал он без вступления.

— Это и слепому понятно, — буркнул я. — Что у вас на уме?

— Принесите мечи, — спокойно произнес он. — Отдайте их мне. Если вы сделаете это, без обмана и, не выкидывая никаких трюков, то я заверяю вас, девушка не пострадает. Если вы обратитесь в полицию или выкинете еще какую-нибудь глупость, она умрет.

— Откуда я знаю, что она еще жива?

В трубке затрещало, и раздался голос Алисии:

— Г-Гарри? Я в порядке. Он не навредил мне.

— Я не хочу этого, — сказал отец Дуглас, беря обратно трубку. — Удовлетворены?

— Могу я спросить вас кое о чем? — спросил я. — Зачем вы это делаете?

— Я исполняю Божью работу.

— Ладно, это не звучит слишком безумно или в этом духе, — пробормотал я. — Если вы так тесно связан с Господом, вы, что действительно ожидаете, что я поверю, в вашу способность убить девочку-подростка?

— Миру нужны Мечи, — ответил он ровным, невозмутимым голосом. — Они более важны, чем любой из людей. И хотя я никогда не прощу себе этого — да, я убью её.

— Я только пытаюсь показать вам ошибочную логику, которой вы руководствуетесь. Видите ли, если я такой плохой парень, что украл мечи, тогда почему мне не все равно, убьете вы или нет какого-то ребенка?

— Вы не должны быть злым, чтобы быть честолубивым — или ошибаться. Вы не захотите, чтобы девушка пострадала. Отдайте мне мечи, и она не пострадает.

Было абсолютно четко видно, конструктивной беседы в этой ситуации не получится. Отец Дуглас выбрал свой путь, невзирая на такие тривиальные вещи, как разум и логика.

— Где? — спросил я.

Он продиктовал мне адрес.

— Крыша. Вы подойдете с восточной стороны здания. Покажете мне мечи. Затем поднимитесь, и мы произведем обмен. Без посоха, без жезла. Один.

— Когда?

— Через час, — сказал он и повесил трубку.

Я отключил телефон, посмотрел на Майкла и констатировал:

— У нас немного времени.

Указанное здание стояло на углу Монро и Мичиган, с прекрасным обзором на Миллениум Парк. Я припарковался на расстоянии нескольких кварталов и остаток пути проделал пешком, с двумя мечами, спрятанными в большой спортивной сумке. Отец Дуглас не указал, где мне предполагалось остановиться и показать ему мечи, но уличные огни, расположенные рядом со зданием по необъяснимым причинам не горели, за исключением одного. Я зашел в островок света, которые падал на тротуар, раскрыл сумку и вытащил оба меча.

Было трудно разглядеть, что-либо при переходе из темноты на свет, но мне показалось, я заметил отблеск на крыше. Бинобль?

Спустя несколько секунд, на крыше дважды мигнул красный огонек, в том же месте, где я что-то заметил.

Это было место встречи.

Я захватил с собой абсолютно нелегальный набор отмычек, но как оказалось, у меня не было нужды их использовать. Отец Дуглас уже вскрыл замки, и, очевидно, систему безопасности тоже. Передняя дверь было открыта, так же как и дверь на лестницу. Оттуда начиналась одна длинная, болезненная для ног прогулка на крышу.

Я выбрался на крышу под холодный, сильный ветер, который подхватил мой плащ, превращая его в трепещущий флаг.

Я всматривался в темноту крыши окруженный трубами воздуховодов и различными антеннами, но никого не видел.

Луч переносного прожектора ударил в меня, и я закрутил головой. Свет исходил с крыши соседнего здания. Отец Дуглас щелчком выключил его, и несколько раз моргнув, я смог четко его увидеть, стоящего на ветру в черной одежде священника — белый воротничок казался люминесцентным в рассеянном свете города. Его серые глаза были в тени, и он должно быть уже полтора дня не брился. Длинная доска лежала возле его ног, которую он, должно быть, использовал, чтобы перебраться туда.

Алисия сидела на стуле возле него, со связанными руками, повязкой на глазах и кляпом во рту.

Отец Дуглас поднял мегафон.

— Так достаточно далеко, — сказал он. Я еле слышал его сквозь сильный ветер. — Она связана взрывным шнуром. Вы знаете, что это значит?

— Да.

Он показал другую руку.

— Вот это — детонатор. Пока он посылает сигнал, она в порядке. Это- «кнопка мертвеца». Если я уроню его или отпущу её, сигнал прервется и шнур взрывается. Если приемник получит повреждения и перестанет получать сигнал, шнур взрывается. Если ты начнешь использовать магию и разрушишь одно из устройств, шнур взрывается.

— Это по крайней мере лучше, чем электромагнитные штучки, — пробормотал я сам себе и, повысив голос, проревел: — Как вы хотите произвести обмен?

— Перебросьте их.

— Сначала обезвредьте взрывчатку.

— Нет. Девушка останется там, где сейчас. Как только я уйду, то отправлю сигнал, который отключит устройство.

Я прикинул расстояние. Тут нужен был хороший пятнадцатифутовый прыжок, чтобы перебраться с одной крыши на другую. Легче простого.

— Дуглас, — прокричал я. — Задумайтесь над этим минутку. Мечи это не только острота и блеск. Они — символы. Если вы поднимите один из них для неправильных поступков, то можете уничтожить его. Поверьте мне, я знаю это.

— Мечи заслуживают лучшей участи, чем ржаветь в заплесневелом подвале, — ответил он и поднял детонатор. — Передайте их немедленно.

Я долгую секунду смотрел на него. Затем бросил сумку. Она приземлилась со звяканьем возле его ног. Он наклонился, чтобы открыть её.

Я набрался решительности. Это было весьма рискованно. Я не рассчитывал на кнопку мертвеца и на пятнадцатифутовый прыжок.

Отец Дуглас раскрыл сумку и дымовая граната, которую Майкл заложил внутрь, взорвалась с гулким звуком. Белый дым столбом ударил ему в лицо, а я тем временем сделал три быстрых шага и подбросил себя в воздух. На ужасную долю секунды двадцатизэтажная пропасть разверзлась подо мной, и затем я коснулся края другой крыши и столкнулся с отцом Дугласом. Мы оба не устояли на ногах.

Я не мог думать ни о чем, кроме детонатора, поэтому я вцепился в него левой рукой, сдавливая его пальцы так, чтобы он не смог отпустить кнопку. Он попытался ударить большим пальцем мне в правый глаз, но я наклонил голову и удар пришелся только в кость. Он зарядил головой мне в нос (снова в нос, адские колокола, как это больно) и ударил коленом мне в пах.

Я мешал ему, сжимая обеими руками его ладонь, пытаясь перекрыть доступ крови в его руку, чтобы она ослабла, и я смог забрать у него передатчик. Его левый кулак обрушился на мой висок, челюсть и шею. Я наклонил голову вниз, и, как зверь, вцепился зубами в его запястье, заставив его издать крик боли. Я снова обрушился всем своим весом на него,

сдвигая несколько пальцев на его хватке и перехватывая контроль над пусковой кнопкой. Затем я дернулся всем своим телом, используя плечи и бедра как рычаг, и вырвал у него «кнопку мертвеца».

Он немедленно откатился от меня, схватив сумку, поднялся и побежал к двери, ведущей в здание.

Я дал ему уйти и бросился к Алисии. Темноволосую девочку била сильная дрожь.

Взрывной шнур, это, по сути, длинная резиновая трубка, начиненная взрывчатым веществом. Она чуть толще, чем карандаш, гибкая, и, как правило, взрывается от электрического разряда. Оберните взрывной шнур вокруг бетонной колоны и подорвите, взрыв пройдет через неё, как через кусочек сухого бамбука. Алисия была привязана к креслу именно им. Если он взорвется, то разорвет её на части.

Детонатор был простым устройством — черной пластиковой коробочкой выглядевшей как двенадцативольтовая батарейка, от которой шли проводки к взрывному шнуру. Зеленый огонек на детонаторе весело светился. Точно такой же веселый зеленый огонек светился на «кнопке мертвеца» — передатчике в моей руке. Если то, что говорил Дуглас, было верным, тогда если огонек погаснет, мир вокруг уже не будет таким веселым.

Если я отпущу кнопку, это прервет сигнал на детонатор, который замыкает круг, он в свою очередь даст разряд, и бум. В теории, я должен был перерезать проводок от батарейки и вздохнуть с облегчением — вот только если Дуглас не установил устройство, которое взорвет все к чертовой матери при этом моем действии.

У меня не было много времени. Электроника в передатчике не продержится долго возле меня, даже если я не буду использовать никакую магию. Я должен был незамедлительно вытащить девочку.

Я сделал ставку, основывающуюся на том, что я узнал об отце Дугласе. Он выглядел так, как будто стремился к хорошей цели, невзирая на все его шалости. Так что я полагался на то, что он не хотел бы смерти девушки от нелепой случайности, а только от осознанного действия — то есть если он отпустит кнопку, или я сломаю передатчик, используя магию.

Я достал свой карманный нож, открыл его зубами и, перерезав по очереди тяжелую пластиковую трубу, которая держала её привязанной, освободил Алисии одну, затем вторую руку. Неловкими от длительной неподвижности пальцами она сорвала повязку и кляп.

— Убираемся отсюда! — крикнул я и, схватив её за руку, вытащил из кресла, подальше от взрывчатки. Она, пошатываясь, прислонилась ко мне, и мы побежали к лестнице.

Когда мы достигли первого пролета, моего присутствия, очевидно, оказалось слишком много для бедного детонатора. Что-то заискрилось и затрещало внутри пластикового корпуса, веселый зеленый огонек погас, и раздался ужасный громкий звук наверху позади нас. Я успел встать между Алисией и стеной лестничной клетки, когда ударная волна настигла нас. От ее удара моя многострадальная голова впечаталась в стенку. Я пошатнулся от боли, но быстро вынырнул из нее, как утопающий выкарабкивается на поверхность, хватая ртом воздух.

— Идем, — прохрипел я Алисии. — Идем. Нам нужно идти.

Она глянула не меня пустыми, ошеломленными глазами, так что я схватил её за руку и двинулся вниз по лестнице, другой рукой положив, тяжелый передатчик в карман плаща. У нас, было, только несколько минут до того момента, как тут нельзя будет протолкнуться от полиции и пожарных. Я совсем не хотел отвечать на их вопросы насчет того, как мои отпечатки пальцев оказались на дорогом армейском передатчике и доказывать свою непричастность к взрыву.

Спускаться вниз по всем этим ступенькам было не намного легче, чем подниматься, и мои ноги явно приготовились жаловаться мне на это ближайшие несколько дней. Мы спустились вниз, и я вывел Алисию в переулок возле Монро. Я диким взглядом окинул улицу вверх и вниз. Пикап Майкла ожидал нас именно там, где договаривались, перед входом в первоначальное здание. Я положил пальцы в рот и издал пронзительный свист.

Грузовичок Майкла пулей промчался по улице и остановился перед нами. Я

подтолкнул девушку вперед. Дверь распахнулась из нее появилась Молли, она схватила Алисию за руку и затащила её внутрь. Я забрался сразу за ней.

— Он улизнул с мечами, — рявкнул я. — Ты сделала это?

— Сделала, — откликнулась Молли и сразу вручила мне компас с приборной панели, с одним из её собственных золотых волос, примотанных к стрелке. Остриё указывало точно на восток, вместо севера. Кузнечик создала следящие заклятие, одно из самых удобных, которые я знаю.

— Он, наверное, двигается пешком через парк, — обратился я к Майклу. — Сделайте круг вокруг Лэйкшор, выедем впереди него.

— С тобой все в порядке, крошка? — спросил Майкл, быстро глянув на младшую дочь.

Алисия неуклюже взяла его руку и крепко сжала. Затем прислонилась к Молли и начала тихонько плакать.

— Поспешите, — прохрипел я Майклу. — Он наверняка знает, что мы могли снабдить мечи чем-то вроде жучков. Если он обнаружит волосы Молли, привязанные к одной из рукоятей, мы пропали.

— Он никуда не денется, — уверенно сказал Майкл с абсолютной верой в голосе, и вдавил в пол педаль газа, поскольку мы приближались к перекрестку с моргающим светофором, готовым загореться красным светом. Может быть, это было божественным вмешательством, или судьбой, или просто хорошим вождением, но пикап пролетел через перекресток, буквально на дюймы, разминувшись с двумя другими машинами.

Когда мы подъезжали, стрелка компаса по-прежнему показывала вглубь парка, но затем начала отклоняться в другую сторону. Я глянул вперед и увидел темную фигуру, бегущую через дорогу, которая отделяла парк от озера Мичиган.

— Там! — Воскликнул я, показывая. — Вот он!

Майкл притормозил у края дороги и я, выскочив на землю, прежде чем пикап прекратил двигаться, побежал за отцом Дугласом. Он был в хорошей форме, покрывая расстояние длинными, размашистыми шагами. В нормальном состоянии догнать его для меня не составило бы труда. Я бегал три или четыре дня в неделю, тренируясь именно для таких ситуаций, как эта. Конечно, когда я занимаюсь, я не бываю избит, вымотан, и не резвлюсь с недавно выбитым плечом. Дуглас продолжал удерживать лидерство, когда мы спустились вниз к пляжу, а я был полностью измотан. Так что я сжульничал.

Я на ходу полез в карман, достал тяжелый передатчик, и запустил в него так сильно, как только смог. Черное пластиковое устройство ударило отца Дугласа в затылок и разбилось, отправив несколько тяжелых батареек в недолгий полет.

Дуглас пошатнулся и, не сумев сохранить равновесия при той скорости, с которой он двигался, упал на песок. Я перескочил через него и схватил сумку с мечами; вот только он сделал какое-то движение ногой, похожее на прием из боевых искусств, и выбил почву у меня из-под ног. Буквально. Я тоже рухнул на землю.

Отец Дуглас дернул сумку, но я мертво в неё вцепился, мы боролись и пинали ногами друг друга — пока сумка не порвалась, не выдержав напряжения. Мечи вывалились на песок. Он схватил рукоять «Фиделаккиуса», меча — катаны, который до тех пор, пока вы не достанете его из ножен, выглядел как простая, тяжелая трость. Я подхватил «Амораккиус», и поднял вложенный в ножны меч как раз вовремя, чтобы отбить рубящий выпад отца Дугласа.

Он поднялся на колени и размахнулся снова, и все что я мог сделать, это подставить ножны с «Амораккиусом» и отразить удар. Удар за ударом обрушились на меня, и не оставалось времени, чтобы призвать мою силу, и никакой возможности, чтобы подняться на колени...

До тех пор, пока ботинок сорок шестого размера не ударил отца Дугласа в грудь, отбрасывая его назад.

Майкл стоял надо мной, держа алюминиевую битку в правой руке. Он протянул ко мне другую руку, и я вложил в неё «Амораккиус». Он взял его за середину лезвия, держа как

какое-то огромное распятие, и хромая пошел к отцу Дугласу, опустив биту вниз.

Отец Дуглас уставился на Майкла широко раскрытыми глазами.

— Не приближайся, — сказал он. — Я не хочу причинять тебе боль.

— Кто сказал, что ты на это способен? — громко произнес Майкл. — Положи Меч, и я дам тебе возможность уйти.

Дуглас смотрел на него холодными серыми глазами.

— Я не могу этого сделать.

— Тогда я одолею тебя, и все равно заберу Меч. Это конец, Роарк. Ты просто пока этого не понял.

Отец Дуглас больше не растрачивал времени на разговор, он блеснул катаной в сторону Майкла.

Майкл отбил атаку мечом, словно это была палка (никакой не каламбур) нанес удар сбоку, как кот сбивает вниз ночного мотылька. Закрутилась бейсбольная бита.

— Медленный, — проговорил он. — Слишком медленный, чтобы одолеть полуслепую калеку. Ты не знаешь главное правило того, кому доверено нести Меч.

Дуглас зарычал и снова попытался ударить Майкла. Он отбил и эту атаку с высокомерной непринужденностью, сопровождая это ударом рукояткой вложенного в ножны меча по щеке Дугласа.

— Это означает жертву, — холодно продолжил Майкл, наступая на Дугласа который отшатнулся от удара. — Это означает забыть о себе, и о своих желаниях. Это означает положиться на веру в Господа Бога Всемогущего.

Он нанес пару ударов, от которых Дуглас смог с трудом защититься — но третий, прямой колющий удар, нанесенный кончиком биты, угодил прямо в солнечное сплетение священника. Отец Дуглас, пошатнувшись, упал на одно колено.

— Ты оставил службу, — с трудом проговорил Дуглас. — Мир заполняется тьмой все сильнее. Люди вызывают к нашей помощи — и ты оставил Мечи валяться без дела с этим существом, состоящим из черной магии и обмана?

— Ты высокомерный ребенок, — прорычал Майкл. — Всемогущий непосредственно изъявил нам свою волю. Если ты человек веры, тогда ты должен принять это.

— Тебя тоже обманули! — выкрикнул Дуглас. — Как может Господь игнорировать своих людей, когда они так нуждаются в его защите?

— Нам не дано знать это! — Майкл кричал. — Разве ты не видишь, глупец? Мы только люди. Мы видим только это место и это время. Господь же знает все, что может случиться. Неужели ты желаешь сказать, что знаешь лучше Господа Бога нашего, что нужно сделать с Мечами?

Дуглас пристально смотрел на Майкла.

— Неужели ты настолько глуп, что веришь, будто Он хочет, чтобы ты отверг свою веру и навязал свои убеждения миру? Ты думаешь, Он хотел, чтобы ты убил достойного человека и похитил невинного *ребенка* ?

Быстрым ударом биты он выбил «Фиделаккиус» из рук Дугласа и нанес пару сокрушительных ударов — один по плечу, а другой по колену. Дуглас обессиленной грудой повалился на песок.

— Посмотри на себя, — сказал Майкл суровым и безжалостным голосом. — Посмотри, что ты натворил во имя Господа. Посмотри на синяки на руках моей дочери, на кровь на лице моего друга, и затем скажи мне, кто из нас был обманут.

Снова обрушилась бита, и Дуглас без сознания раскинулся на песке.

Майкл застыл на мгновение с поднятой над лежащим мужчиной битой, его била крупная дрожь.

— Майкл, — позвал я спокойным голосом.

— Он причинил боль моей маленькой девочке, Гарри. — Его голос переполняла сдерживаемая ярость.

— Он не собирается причинять ей боль сейчас, — негромко произнес я.

— Он причинил боль моей маленькой девочке.

— Майкл, — сказал я мягко. — Вы не можете. Если это то, что должно случиться, я сделаю это. Но не вы.

Его взгляд скользнул по мне.

— Легче, легче, — сказал я ему. — Мы все здесь сделали. Все сделали.

Он пристально смотрел на меня в течение длинного, тихого мгновенья. Затем, очень медленно, опустил биту и склонил голову, тяжело дыша. Он постоял так около минуты и, отбросив биту сел на песок, вздрогнув от боли.

Я поднялся и подобрал «Фиделаккиус», вложив его в ножны.

— Спасибо, — сказал Майкл уже спокойным голосом. Он протянул мне рукоять «Амораккиуса».

— Вы уверены? — спросил я.

Он кивнул, устало улыбаясь.

— Да.

Я взял меч и глянул на Дугласа.

— Что нам делать с этим?

Майкл молча смотрел на него несколько мгновений. На заднем фоне раздавались sireны машин скорой помощи, прибывших чтобы разобраться с последствиями взрыва на крыше.

— Мы возьмем его с собой, — решил Майкл. — Церковь пускай сама разбирается со своими.

* * *

Я сидел на балконе часовни в Св. Марии, глядя сверху на церковь подо мной и размышлял. Майкл и Фортхилл присматривали за отцом Дугласом, который еще долго не сможет передвигаться самостоятельно. Они где-то уложили его в кровать. Это было тяжело, наблюдать за Майклом,двигающимся с заметной болью, прихрамывающего по комнате помогая оказывать первую помощь Дугласу. Я бы с удовольствием оставил этого кретина где-нибудь в переулке и предоставил бы его, его судьбе.

Что возможно, только возможно, было одной из причин, по которой я никогда не собираюсь становиться Рыцарем.

Я так же свистнул из комнаты Фортхилла фляжку с виски, которая составляла мне компанию на балконе.

Вдвое больше причин, по которым я никогда не собираюсь становиться Рыцарем.

— В конце концов, — сказал я, ни к кому не обращаясь, — эти двое начали говорить на разных языках. Я подразумеваю, я понимаю все слова, и я понимаю смысл этих слов, но я не могу их соединить вместе. Ты знаешь?

Я хлебнул немного виски.

— Задумываясь над этим есть множество вещей, которые я не понимаю во всей этой ситуации.

— И какого рода объяснения ты хочешь? — спросил мужчина, садясь на церковную скамью рядом со мною.

Я чуть не выпрыгнул из кожи.

Это был пожилой мужчина. У него была темная кожа и серебристо-белые волосы, и он был одет в синий рабочий комбинезон, такой часто можно увидеть на уборщиках. Надпись на бейджике гласила «Джейк».

— Вы, — выдохнул я. — Вы — архангел. Вы — Уриил.

Он пожал плечами. Жест нес признание, так или иначе.

— Что вы здесь делаете? — Я, возможно, говорил немного невнятно. Я был избит, да и половина фляжки уже куда-то исчезла.

— Возможно — я галлюцинация, порожденная травмой головы и алкоголем, —

улыбнулся он.

— А, ну хорошо. — Я внимательно всмотрелся в него и предложил ему фляжку. — Хотите глоток?

— Очень мило, — сказал он и, сделав большой глоток, протянул фляжку мне обратно. — Я обычно так не делаю, но если у тебя есть вопросы, задавай их.

— Ладно, — кивнул я. — Почему ваши ребята позволили, чтобы Майкл так пострадал?

— Мы не позволяли этому случиться, — ответил Джейк спокойно. — Он хотел рисковать, сражаясь с врагом. Враг выбрал и куда направить оружие и когда спустить курок. Он пережил это испытание.

— Итак, говоря другими словами, Бог ничего не сделал, чтобы помочь.

Джейк улыбнулся.

— Не сказал бы. Но ты должен понять, сынок. Бог не выбирает, какие хорошие вещи случатся с тобой, или какие плохие вещи случатся с тобой. Он весь в том, чтобы ты сам делал выбор — испытывал дар свободы воли. Бог хочет, чтобы у тебя были хорошие вещи и хорошая жизнь, но он не может просто завернуть их в упаковку и подарить тебе. Ты выбираешь, какие действия поведут тебя по жизни.

— Свобода воли, ха?

— Да. Например, твоя свобода воли на том острове.

Я глянул на него и хлебнул еще немного виски.

— Ты заметил, что Валькирия смотрела на Майкла. Ты подумал, что он был в опасности. Так что, несмотря на то, что была твоя очередь, ты отравил его в вертолет, вместо себя.

— Никакое хорошее дело не остается безнаказанным, — сказал я, возможно чуть увеличив количество «з» в последнем слове. — Именно тогда он и пострадал.

Джейк пожал плечами.

— Но если бы ты так не сделал, ты бы умер в тех постройках, и он бы умер на острове.

Я смог только изумленно сказать:

— Что?

Джейк поднял руку.

— Я не буду надоедать тебе деталями, но будет достаточно сказать, что твой выбор в тот момент изменил все.

— Но вы потеряли Рыцаря, — нахмурился я. — Воина.

Джейк улыбнулся.

— Неужели?

— Он с трудом может ходить без палочки. Конечно, он управился с Дугласом, но это большая разница по сравнению со схваткой с Динарианцем.

— Ах, — Джейк пару раз кивнул. — Ты имеешь в виду воина в буквальном смысле.

— А что есть другой вид воина? — спросил я.

— Важный вид.

Я снова нахмурился.

— Гарри, — вздохнул Джейк, — У конфликта между светом и тьмой так много уровней, что ты буквально не сможешь понять их все. Не сейчас, во всяком случае. Иногда это буквально поля сражений. Иногда это бывает туманным и метафорическим.

— Но Майкл и я, очень буквальные парни, — возразил я.

Джейк почти смеялся.

— Неужели? Ты думаешь, мы впутали тебя в эту ситуацию только потому, что нам надо было, чтобы ты кого-то избил?

— Нуу. В целом говоря. Да. — Я взмахнул фляжкой. — В значительной степени все, что мы сделали, это избили парня, у которого были хорошие намеренья и который, дойдя до отчаянья, пытался что-то сделать.

Джейк покачал головой.

— Настоящая война происходила, когда ты этого не видел.

— Ну да?

— Кортни, — Джейк махнул рукой. — Маленькая девочка, которую почти сбила машина.

— Что относительно неё?

— Ты спас ей жизнь, — серьезно сказал он. — Более того, ты отметил синяк на её щеке — который она получила от своего жестокого отца. Твоё присутствие придало силы, и ответственности ее матери, что привело к осознанию того факта, что с её дочерью плохо обращаются. Она съехала от мужа на следующее утро. — Он развел руками. — В тот момент, ты спас детскую жизнь, уберег её мать от алкогольной зависимости, которую вызвала бы эта потеря, и разорвал замкнутый круг жестокого отношения в семье, которому уже более трех сотен лет.

— Я... хм.

— Электрик Чак, — продолжил Джейк. — Он был выпивший, потому что повздорил с женой. Спустя два месяца от того дня, их четырехлетней дочери диагностируют рак, и потребуется трансплантация костного мозга. Ей отец — единственный подходящий донор. Ты спас его жизнь тем, что ты сделал — и жизнь его дочери, тоже. И борьба этой семьи перед лицом трудностей объединит их и сделает сильнее и счастливее, чем когда-либо до этого.

Я фыркнул.

— Это выглядит ужасно похожим на предназначение, как для меня. Но если бы эти люди выбрали что-то другое?

— Это сложная проблема, — согласился Джейк. — Но думай о направлении будущего, как о, эээ, текущей воде. Если ты хорошо знаешь рельеф, то сможешь предсказать, куда она потечет. Теперь, кто-то всегда может прийти сам и выкопать канаву, и изменить направление воды — но откровенно, ты будешь изумлен, как редко люди действительно желают сделать выбор и изменить жизнь.

Я хмыкнул.

— Как насчет игрока второй базы, Кэли? Ей я тоже спас жизнь?

— Нет. Но ты поддержал девушку в тот момент, когда это было для неё необходимо, а у неё не было никого, с кем бы она могла об этом поговорить. Всего несколькими добрыми словами. У нее есть хороший шанс стать отличным социальным работником в своей среде. Пятью минутами доброты ты показал ей, как помочь тысячам остальных. — Он развел руками. — И это только насчет прошедшего дня. Отчаянье и боль были отведены, потеря и трагедия предотвращены. И ты думаешь, что ты не несешь копьё света, Воин?

— Гм.

— И последнее, но не по значимости. Давай не будем забывать Майкла, — продолжил он. — Он хороший человек, но когда дело касается его детей, он может быть абсолютно иррациональным. Он был на волоске от потери контроля над собой, когда стоял над Дугласом на пляже. Твои слова, твоё присутствие, твоя воля помогли ему выбрать милосердие вместо мести.

Я растерянно смотрел на него.

— Но... я не специально делал то или иное.

Он улыбнулся.

— Но ты выбрал действия, которые привели к этому. Никто не заставлял тебя делать это. И для этих людей, которых ты спас, опасность была такой же реальной, как любое создание ночи. — Он повернулся посмотреть на церковь под нами и сжал губы. — У людей гораздо больше силы, чем они используют, если только они хотят использовать её. Майкл может уже и не рубит демонов с помощью меча, Гарри. Но не думаю даже на секунду, что он перестал сражаться за добро. Просто с твоей точки зрения сложнее увидеть результаты.

Я выпил еще виски, размышляя над его словами.

— Он гораздо счастливее теперь, — сказал я. — Его семья тоже.

— Забавно, как создание хорошего выбора приводит к этому.

— Как насчет отца Дугласа? — спросил я. — Что произойдет?

— По большей части, — пожал плечами Джейк, — это послужит уроком для него. Надеюсь, он сможет осознать ошибки и изменить жизнь к лучшему.

Я медленно кивнул.

— Давай поговорим о моем счёте.

Брови Джейка удивленно приподнялись.

— Что?

— Мой счёт, — сказал я, отчетливо выговаривая слова. — Вы втянули меня в этот бардак. Вы можете заплатить мне, как и любой другой клиент. Куда мне выслать счёт?

— Ты... ты пытаешься выставить счет Господу Богу Всемогущему? — воскликнул Джейк, с недоверием в голосе.

— Адски... хм, нет, черт возьми. Яставляю счёт *вам* .

— Это не совсем так, как мы работаем.

— Это если вы хотите работать со мной, — сказал я ему, зевая. — Раскошеливайтесь. Иначе в следующий раз, возможно, я буду просто стоять и ничего не делать, когда вам понадобится моя помощь.

Лицо Джейка расплылось в широкой, очаровательной усмешке и смех наполнил его голос.

— Нет, не будешь, — сказал он, и исчез.

Я сердито смотрел на то место, где он был секунду назад.

— Скряга, — пробурчал я.

Но я был абсолютно уверен, что он прав.